Федор Раззаков
Девять женщин
Андрея Миронова
Жениться нужно на сироте.
Если женщина что-то просит, то ей надо непременно дать! Иначе она возьмет сама!
Каждая ваша слезинка — это молекула в космосе.
Девушка, мы с вами рядом не лежали?
Руссо туристо облико морале.
Биографии великих
Неожиданный ракурс

Федор Ибатович Раззаков

Девять женщин Андрея Миронова

Серия «Биографии великих. Неожиданный ракурс»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18117728
Девять женщин Андрея Миронова / Федор Раззаков: Издательство «Э»; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-86995-4

Аннотация

Помните, как в фильме «Соломенная шляпка» чертовски привлекательный герой Андрея Миронова поет и загибает пальцы: «Иветта, Лизетта, Мюзетта, Жанетта, Жоржетта…»? Что интересно, Андрей Миронов, в самом деле, не представлял свою жизнь без женщин. Еще бы! Они, как музы, вдохновляли Андрея на творчество, давали ему силы, зажигали в его сердце пламя любви и страсти. Именно женщины вкупе с природным талантом сделали Андрея Миронова неотразимым в жизни, в кино и на сцене. Стоит ли удивляться, что этого удивительного человека беззлобно называли дамским угодником. Кому же из представительниц прекрасного пола угодил Андрей Миронов?

Содержание

Часть первая 5
Мама: Мария Миронова 5
Первая любовь: Галя Булавина (Дыховичная) 22
Девушки из «Щуки» 24
Несостоявшаяся жена: Наталья Фатеева 27
Будущая жена: Лариса Голубкина 32
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Федор Раззаков
Девять женщин Андрея Миронова

© Раззаков Ф., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

В жизни Андрея Миронова женщины играли главную роль. Поэтому не случайно этого великого актера называли дамским угодником. Он и в самом деле стремился угодить женщинам, поскольку видел в них своих главных вдохновительниц как в творчестве, так и в жизни. При этом через судьбу актера прошло множество женщин. Но среди них многие были случайными, а главных женщин было не так уж и много. Именно им и посвящена эта книга. Среди них: женщина, которая родила на свет нашего героя – его суровая мама. А также девушка, которая подарила ему первую любовь, когда они были еще школьниками. В этом же списке женщины, которые могли быть его женами, но так и не стали ими в силу различных обстоятельств, женщины, сумевшие-таки стать его женами, две его дочери, а также женщины, которые снимали его в своих фильмах, и женщины-актрисы, с которыми он играл в кино любовь. Все они оставили свой след в судьбе Андрея Миронова и без них его жизнь и творчество не обрели бы той феерической привлекательности, которая до сих пор заставляет людей помнить об этом прекрасном актере. Прочитайте эту книгу и вы узнаете массу интересного из жизни «дамского угодника», у ног которого в свое время лежала вся страна – причем не только слабая ее половина.

Часть первая
Женщины в жизни Андрея

Мама: Мария Миронова

Эту женщину люди знали не только как великолепную артистку, но и как мать гениального артиста, кумира целой нации. А ведь сама она, когда ее сын только делал первые шаги на актерском поприще, не слишком верила в его выдающиеся способности, опасалась, что он не сумеет стать достойным продолжателем их актерской династии. Потом она признала эту ошибку.

Мария Миронова родилась 6 января 1911 года в Москве в зажиточной семье – ее отец был товароведом. Жили Мироновы в центре Москвы, на Таганке, и являли собой пример образцовой семьи. Когда родилась Маша, в доме был устроен званый обед, где стол буквально ломился от угощений. Однако, выпивая за здоровье девочки, никто даже представить себе не мог, что вскоре случится трагедия. Но не с девочкой, а с ее старшим братом, 10-летним Колей. Это был на удивление красивый и талантливый мальчик: владел тремя языками, рисовал, занимался музыкой. Все, кто его знал, были уверены, что впереди его ждет блестящее будущее. Однако этим планам не суждено было воплотиться в жизнь. Спустя два месяца после рождения сестренки Коля заболел дифтеритом и сгорел за считаные дни.

Эта трагедия сильно отразилась на родителях Маши, особенно на ее матери – она стала болезненно мнительной. Опасаясь, что ее дочка может умереть так же внезапно, как и ее первенец, она опекала ее ежедневно и еженощно, и порой эта опека принимала нездоровые формы: например, она постоянно заставляла дочку полоскать горло керосином.

Интерес к театру возник у Маши еще в детстве. Ее родители были заядлыми театралами и не пропускали ни одной премьеры в столичных театрах. В их доме постоянно бывали актеры, режиссеры и другие деятели театра, которые бесконечными спорами о работе привили Маше интерес к этому виду искусства. А после того как она попала на спектакль «Синяя птица», ее любовь к театру стала неистребимой. Именно эта любовь впоследствии приведет Миронову в Центральный техникум театрального искусства имени Луначарского на Сретенке, где она будет проходить свои первые театральные университеты.

В школу Маша пошла перед самой революцией – в сентябре 1917 года. Это была одна из старейших школ города, расположенная в Мерзляковском переулке бывшая гимназия Флерова. В одном классе с Мироновой учились дети, которые впоследствии станут известными людьми: Алексей Спешнев – будущий сценарист, Леонид Пирогов – артист драмтеатра, Григорий Конский – артист МХАТа, Лина Кабо – писательница. В классах постарше учились Игорь Ильинский, Леонид Варпаховский, который свою первую режиссерскую работу сделал именно в бывшей гимназии Флерова, поставив «Розу и крест» Александра Блока.

Когда много лет спустя перед Мироновой встанет выбор, где поселиться со своей семьей, она выберет окрестности возле Мерзляковского переулка. И своего единственного сына Андрея приведет учиться именно туда – в бывшую гимназию Флерова.

Помимо театра у Мироновой было еще одно сильное увлечение – балет. Оно было настолько сильным, что девочка какое-то время посещала вечернюю балетную школу при Большом театре. Школа помещалась в театре Незлобина, там, где потом будет Центральный детский театр. Маша занималась у знаменитого балетного педагога Веры Мосоловой, которая весьма восторженно отзывалась об успехах своей ученицы. Маше прочили хорошую

карьеру в балете, но судьба распорядилась по-своему. При всей страсти Маши к танцу она не могла долго выдерживать большие нагрузки – у нее начались малокровие и головокружения. И врач посоветовал ей оставить балетную школу. Что было сделано незамедлительно: мама Маши так дрожала над здоровьем своего ребенка, что даже страстные уговоры Мосоловой не помогли.

Окончив в 1924 году седьмой класс школы, Миронова поступила в Центральный техникум театрального искусства имени Луначарского на вечернее отделение. И довольно быстро стала там одной из самых способных учениц. Там же она подружилась с двумя своими ровесниками, которые впоследствии станут не менее знаменитыми, чем она: Верой Марецкой и Ростиславом Пляттом. С последним Миронова любила похулиганить – вывинчивала лампочки во всех подъездах на Сретенке, где располагался техникум. Причем заводилой была именно Маша: она взбиралась на плечи высокому Плятту, вывинчивала лампочку и прятала ее к себе в карман. Эти лампочки они потом меняли на любимое лакомство – пирожки с мясом, повидлом и капустой.

После окончания техникума Миронова встала перед выбором, в какой театр поступать. Вместе со своим однокашником Борисом Щукиным она написала на бумажках названия лучших театров и решила тянуть жребий. Вытянула Вахтанговский, но Щукин ее отговорил: сказал, что там все актеры молодые и новенькую будут постоянно затирать. Тогда Миронова отправилась во 2-й МХАТ. Там был большой конкурс, но Миронову не взяли не из-за отсутствия таланта, а по возрасту – ей еще не было семнадцати. Она так переживала по этому поводу, что отец решил ей помочь. Он воспользовался своими связями в театральной среде и способствовал тому, чтобы Машу приняли во 2-й МХАТ.

Несмотря на юный возраст, Миронова достаточно быстро сумела освоиться в труппе и стала играть одну роль за другой. И хотя роли эти были небольшие, но даже в них она обнаруживала несомненный актерский талант. Например, на спектакле «Хижина дяди Тома», где она играла роль Фанни, побывал сам Владимир Немирович-Данченко и был в восторге от игры Мироновой. И когда спектакль закончился и они случайно встретились в гардеробной, признанный мэтр театра взял у гардеробщика пальто Мироновой и лично накинул его ей на плечи в знак уважения.

Однако этот успех юной актрисы нравился далеко не всем в труппе. Например, прима театра Серафима Бирман с самого начала невзлюбила Миронову. А потом случился скандал, который окончательно развел их по разные стороны баррикад. Бирман почему-то решила, что Миронова красит щеки, хотя применение косметики в театре было категорически запрещено. И однажды в буфете, при многочисленных свидетелях, Бирман подошла к Мироновой и провела носовым платком по ее щеке. Миронова возмутилась: «Вы что, с ума сошли?» С этого момента Бирман невзлюбила ее окончательно и бесповоротно.

Именно во время работы во 2-м МХАТе, осенью 1927 года, Миронова начала выступать на эстраде – читала произведения Чехова. Потом расширила свой диапазон и включила в свою программу юмористический номер – телефонный разговор с некой Капой. Эта интермедия имела феноменальный успех и стала тем счастливым билетом, который открыл Мироновой путь на большую эстраду. Кроме этого, после него на Миронову обратили внимание кинематографисты, пригласив ее сниматься в фильме «Городские неудачи».

Неожиданный успех, обрушившийся на голову юной актрисы, стал главным побудительным мотивом к тому, чтобы она покинула стены 2-го МХАТа. Причем уходила Миронова не в никуда – ее взял в свою труппу Московский мюзик-холл и положил 17-летней актрисе зарплату в пять раз большую, чем она получала во МХАТе. Даже ее недоброжелательница Серафима Бирман не получала таких денег. Кроме этого Мироновой дали главную роль в пьесе «Артисты варьете». Это была поистине роль-сказка: за границей ее играла знаменитая Элизабет Бергнер, а партнером ее был Михаил Чехов. В советском варианте этой

пьесы партнером Мироновой стал Сергей Мартинсон, уже известный зрителям по спектаклям Театра Мейерхольда.

Но если в творческой судьбе Мироновой все обстояло благополучно, то в обычной жизни все было сложнее. После того как новая власть раскулачила отца Мироновой и отобрала у него собственный дом, жить Мироновы были определены в коммуналку – в тесную комнату в густонаселенном доме в центре Москвы. Но даже там их не оставляли в покое. По доносу кого-то из соседей к Мироновым однажды нагрянули реквизиторы, чтобы произвести обыск и конфисковать все имеющиеся драгоценности. Дома в тот момент находилась одна Миронова, которая легко обманула непрошеных гостей, применив свой актерский талант. Она затолкала драгоценности в грелку и, улегшись на диван, положила ее себе на живот. Беспокоить «больную» девушку визитеры не решились и ушли ни с чем.

В первый раз Миронова вышла замуж в 1932 году, в 21 год. Ее мужем стал молодой известный оператор-документалист Михаил Слуцкий. Однако идеальным этот брак назвать было нельзя. Миронова была девушкой избалованной, своенравной и быстро сумела загнать под каблук мягкого и добродушного мужа. Во многом из-за этого не сложились и ее отношения со свекровью. В итоге очень скоро Слуцкий стал болеть, врачи обнаружили у него серьезное легочное заболевание. А тут еще на Миронову свалилась новая напасть – арестовали ее отца. И хотя через год его все-таки выпустили, это событие стало роковым: вскоре после освобождения отец слег с тяжелой болезнью. Следом за ним в эту же больницу попала и мама Мироновой. Мария навещала своих родителей, скрывая от них правду о состоянии друг друга. Но эта ложь не спасла родителей: они скончались в марте 1937 года. После этого Миронова тоже слегла и провалялась несколько месяцев. Депрессия могла длиться и больше, если бы не работа: Миронову пригласил в свою картину «Волга-Волга» Григорий Александров. Роль у нее была хоть и небольшая, но колоритная – секретарша Бывалова.

В 1938 году Миронова поступила работать в Театр транспорта, но пробыла там недолго – пару месяцев. Потом заболела и почти год нигде не работала. А когда в начале следующего года поправилась, ее пригласили работать в Театр эстрады. Именно там она и познакомилась со своим вторым, и последним, супругом – ленинградским эстрадным актером Александром Менакером. На тот момент тот был тоже несвободен: он был женат на артистке Ирине Ласкари и у них рос трехлетний сын Кирилл. Но, встретив Миронову, Менакер принял решение оставить семью.

Знакомство Мироновой и Менакера произошло за кулисами Театра эстрады во время очередного приезда Менакера с гастролями в Москву. В перерывах между выступлениями артисты играли в популярную игру «балда», где Миронова была фаворитом – почти никогда не проигрывала. Именно эта черта и поразила в ней Менакера. Он стал к ней присматриваться, надеясь при первой же возможности познакомиться поближе. Однако это ему долгое время не удавалось, поскольку после каждого концерта Миронову встречал у служебного выхода ее супруг. Но Менакер продолжал надеяться. И счастье ему улыбнулось.

Однажды стылым осенним днем Слуцкий не смог вырваться к жене, и Менакер немедленно воспользовался ситуацией. Навязавшись в провожатые, он довел Миронову до парадного подъезда ее дома в Нижнекисельном переулке. Правда, первая прогулка выглядела не слишком романтично – всю дорогу они говорили исключительно о работе. Но впечатление друг о друге у обоих сложилось весьма лестное. Окрыленный этим успехом, Менакер спустя несколько дней назначил Мироновой новое свидание – у памятника А. Островскому, что возле Малого театра. Именно с этой встречи, собственно, и начался их роман. Отныне все свободное время Менакер и Миронова проводили вместе, гуляя по Москве (любимым местом их прогулок был Александровский сад). А когда гастрольная судьба вынудила их расстаться (Менакер уехал с гастролями в Харьков), оба только и делали, что считали дни и с нетерпением ждали момента, когда судьба снова сведет их вместе. Ждать пришлось недолго:

уже зимой того же 1939 года Менакер вернулся в Москву, чтобы участвовать в сборных концертах в Зимнем театре сада «Аквариум». Романтические свидания возобновились. Влюбленные чаще всего встречались под сценой театра или в закулисных закоулках.

Несмотря на то что влюбленные тщательно конспирировались, скрыть от глаз коллег свои отношения им так и не удалось. Узнал об этом и муж Мироновой, однако скандала затевать не стал. Ему казалось, что это всего лишь мимолетное увлечение супруги, которое вскорости обязательно пройдет. Но он ошибся. Летом 1939 года, когда Менакер и Миронова гастролировали в Ростове-на-Дону, Миронова приняла окончательное решение расстаться со Слуцким. Внешне все выглядело спонтанно. Влюбленные сидели в тесной актерской компании в гостиничном номере, когда Миронова внезапно поднялась из-за стола и, отойдя в сторону, стала что-то писать. Подождав, когда все разойдутся, Менакер тактично поинтересовался у возлюбленной, что это она так сосредоточенно писала. «Письмо Мише Слуцкому, – последовал ответ. – В нем я сообщаю, что мы должны расстаться».

Письмо должен был вручить Слуцкому режиссер Давид Гутман. Но тот поступил непорядочно. Пока ехал в Москву, не удержался от искушения и заглянул в конверт. И, когда приехал в Москву, рассказал о содержимом письма своему приятелю сценаристу Иосифу Пруту. А тот, в свою очередь, разнес эту новость всей столичной богеме. Вечером того же дня эта новость дошла до Слуцкого. Говорят, он был в шоке. Он искренне любил Миронову, многое ей прощал и совершенно не ожидал такого поворота событий. Но дело было сделано, и поворачивать назад Миронова была не намерена. Она была женщиной волевой, властной и никогда не меняла ранее принятых решений. Не случайно в актерской среде за ней закрепилось прозвище «ведьма с голубыми глазами».

Что касается жены Менакера Ирины Ласкари, то она о романе супруга не догадывалась и продолжала пребывать в неведении до августа 1939 года. Когда влюбленные вернулись с гастролей в Москву, первое, что сделал Менакер, – объяснился с женой. Она с трехлетним сыном вернулась после летнего отдыха с Волги и поджидала мужа в гостинице «Москва», чтобы через несколько дней отправиться вместе с ним в родной Ленинград. Но совместного возвращения не получилось. Как вспоминал сам Менакер, объяснение с женой вышло тихим, нескандальным. Ирина все поняла и отпустила мужа на все четыре стороны. И в тот же день уехала с сыном в Питер. Менакер приехал туда днем позже, чтобы сообщить радостную новость Мироновой (она была там на гастролях). Вскоре Менакер и Ирина оформили развод, и на следующий же день Менакер с Мироновой официально скрепили свой союз. На календаре было 26 сентября 1939 года.

Уже спустя несколько дней после бракосочетания молодая семья едва не распалась. Виноват был Менакер. Он в ту пору вел дневник, который и стал камнем преткновения. Это случилось 2 октября. В тот день Менакер приехал в Москву и заночевал у Мироновой. Это событие нашло свое отражение в его дневнике, в котором он записал свои краткие впечатления: мол, приехал в Москву, остановился у Мироновой. И неосмотрительно оставил дневник на ночном столике. Утром хозяйка проснулась раньше него, заглянула в дневник… и устроила дикий скандал. В таком гневе Менакер ее до этого никогда еще не видел. Она кричала, что он может убираться к чертовой матери, что она не публичная девка, у которой можно «остановиться». Буря бушевала больше часа. Но даже когда утихла, Миронова в течение нескольких дней продолжала дуться на супруга. И тому стоило больших усилий буквально вымолить у нее прощение. Как напишет позднее он сам: «Потом я не раз переживал эти внезапные мироновские вспышки. Но тогда меня можно было поздравить с премьерой. Ничего не поделаешь, таково свойство ее характера».

Менакер переехал в Москву и стал работать в Театре эстрады вместе с женой. Впервые их фамилии были объявлены в одном эстрадном номере 10 октября 1939 года: они исполняли стихотворение И. Уткина «Дело было на вокзале» и песенки-диалоги Л. Давидович «Случай

в пути» и «Телеграмма». Вместе они отправились и на 1-й Всесоюзный конкурс артистов эстрады, который проходил в Москве в декабре того же года. Там они выступали дуэтом и по отдельности: Миронова исполняла интермедии, а Менакер делал пародии. Последние его и погубили. Он пародировал артистов, которые входили в состав жюри. Миронова умоляла мужа не исполнять эти пародии, но Менакер ее не послушал. В итоге она удостоилась звания лауреата, правда, получив третье место, а Менакер заработал утешительный похвальный отзыв.

Весной 1940 года в репертуаре Мироновой появилась новая интермедия – «Нужна няня». Миронова играла все роли – трех разных нянь, которые приходят устраиваться в разные дома на работу. И надо же было такому случиться, что в разгар репетиций над этой интермедией – в конце мая 1940 года – Миронова забеременела. Тогда никаких УЗИ еще не существовало, и пол ребенка определить было практически невозможно. Но у будущих родителей были уже свои планы на этот счет. Менакер, у которого один сын уже был, хотел девочку, а вот Миронова загадала мальчика. Кому из них повезло, мы уже знаем.

Чуть ли не до самых родов Миронова продолжала выступать на сцене. Ее друзей это пугало, а вот дирекция театра была в восторге – спектакли с участием Мироновой собирали неизменные аншлаги и ее уход в декретный отпуск грозил театру убытками. Поэтому беременной актрисе создавались все условия для работы: ее не загружали на репетициях, пораньше отпускали домой. И даже интермедию соответствующую придумали: она играла упитанную блондинку-маникюршу из парикмахерской гостиницы «Метрополь».

В канун Международного женского дня 8 Марта в Театре эстрады и миниатюр, как всегда, шло представление. Миронова тоже в нем была занята, хотя врачи предупреждали ее об опасности такой ситуации – она вот-вот должна была родить. Но актрису это не испугало. Как результат: прямо во время исполнения миниатюры «Жестокая фантазия» у Мироновой начались схватки. Коллеги немедленно вызвали «Скорую», которая увезла роженицу в роддом имени Грауэрмана на Арбате. Стоит отметить, что Менакер узнал об этом одним из последних. Он в этом спектакле играл роль дирижера и находился в оркестровой яме, исполняя куплеты. Когда во втором отделении среди артистов Менакер не увидел своей супруги, ему стало дурно. А тут еще Рина Зеленая, игравшая одну из героинь, пыталась знаками показать ему, что Миронову увезли в роддом. Но делала она это так экспрессивно, что Менакеру почудилось что-то ужасное. Поэтому конца представления он дождался с трудом. А едва спектакль закончился, как тут же бросился в роддом.

Миронова разродилась 8 марта 1941 года горластым мальчишкой, которого назвали Андреем. По заявлению врачей, мальчик был совершенно здоров. Как покажет будущее, этот диагноз был верен лишь наполовину. У будущего великого актера была предрасположенность к аневризме. Судя по всему, она передалась Миронову по наследству от предков отца: от аневризмы умрет его отец, сестра отца, тетя.

С рождением сына перед молодыми родителями, которые часто вынуждены были уезжать на гастроли, встала проблема – поиск подходящей няни. Конечно, эту проблему можно было решить достаточно просто – если бы мать новорожденного на какое-то время бросила свою работу, целиком сосредоточившись на ребенке. Но Миронова наступать на горло собственной песне не хотела – в те годы она была на вершине успеха, дела в театре складывались для нее как никогда замечательно. Поэтому ребенку стали подыскивать подходящую сиделку. Нашли ее достаточно быстро. Это была Анна Сергеевна Старостина, которая до этого служила в семье старейшей артистки МХАТа Софьи Халютиной и зарекомендовала себя там с самой положительной стороны. И хотя Старостиной было уже за семьдесят, да и светским манерам она была не обучена (родилась в Нижегородской губернии и окала, говорила «утойди», «офторник» и т. д.), ее кандидатура устроила Менакера и Миронову. Хотя сомнения, конечно, были. Особенно когда Старостина потребовала себе в виде жалованья

не только деньги, но еще… два килограмма «конфетов по выбору» и полтора литра водки. Последнее заявление повергло нанимателей в шок. Но потом все разъяснилось. Оказалось, что водка понадобилась нянечке исключительно в лечебных целях: она настаивала ее на полыни и перед обедом выпивала маленькую рюмочку.

Уже первые дни пребывания нянечки в доме показали молодым родителям, что они не ошиблись – Анна Сергеевна управлялась с новорожденным великолепно. Она умело пеленала ребенка, гуляла с ним, ловко убаюкивала под свои колыбельные. Без участия матери тоже не обходилось: в антрактах руководство Театра миниатюр присылало в Нижнекисельный переулок машину, которая забирала маленького Андрюшу в театр, чтобы мама могла его покормить грудным молоком. Короче, детство будущего гения было вполне типичным для отпрысков людей искусства. Оно обещало быть совсем безоблачным, если бы не война, которая грянула спустя три с половиной месяца после рождения Андрея.

Война застала родителей Андрея в Москве. Накануне страшного дня 22 июня Менакер и Миронова ужинали в любимом летнем актерском садике «Жургаза» (Журнально-газетного объединения) на Страстном бульваре (слева от задника бывшего кинотеатра «Россия», ныне – «Пушкинский»). Погода в тот вечер была восхитительная, настроение у всех собравшихся было сродни погоде. Ни у кого и в мыслях не могло возникнуть, что спустя каких-нибудь несколько часов они проснутся совершенно в другом мире.

Воскресным утром 22 июня Менакер и Миронова еще спали, когда им домой позвонил их театральный врач Бурученков. К телефону подошел Менакер и услышал шокирующую новость: якобы немецкие самолеты вот уже несколько часов бомбят Минск. Поверить в это сообщение было невозможно. И Менакер в первые минуты и в самом деле не поверил. Чтобы развеять свои сомнения, он осторожно, чтобы не разбудить близких, оделся и вышел на Петровку. Улица была запружена народом. И у всех прохожих были растерянные, серьезные лица. Никто не улыбался. Менакер подошел к Столешникову переулку, когда из репродуктора раздался голос Юрия Левитана: «Внимание! Внимание! Говорит Москва…» Так москвичам объявили о начале войны.

Двадцать третьего июня Менакер должен был отбыть вместе с Театром эстрады и миниатюр на гастроли в Ереван (Миронова оставалась в Москве с сыном). Однако из-за начавшейся войны поездка была отменена. Было решено остаться в столице и в спешном порядке подготовить к выпуску антифашистский спектакль. Литературную композицию для пролога и музыку заказали Менакеру. Репетиции шли чуть ли не каждый день. А вечером в театре шли запланированные спектакли. Однако в начале июля Москву начали бомбить немецкие бомбардировщики и людям стало не до спектаклей. Сами Менакеры спасались от налетов в бомбоубежище, которое располагалось в подвале их дома на Петровке, 22. Так продолжалось до середины июля. Затем председатель Комитета по делам искусств М. Храпченко подписал приказ, в котором предписывалось: всем женщинам-актрисам с детьми в кратчайшие сроки эвакуироваться из города. Поскольку Театр эстрады и миниатюр в ближайшее время должен был отправиться с гастролями в Горький, именно туда и предстояло ехать маленькому Андрею, его родителям и няне. Причем ждать отправления всей труппы Миронова не стала: узнав, что в Горький отправляется директор-распорядитель театра Климентий Мирский, она, прихватив Андрея и Аннушку, отправилась вместе с ним. Менакер должен был выехать чуть позже вместе со всеми. Но судьба распорядилась по-своему. Вот как об этом вспоминал сам А. Менакер:

«Поезд уходит поздно вечером. А до этого – тревога за тревогой, и мы сидим в бомбоубежище. Боимся опоздать на поезд. Бомба падает в дом на Неглинной. От взрывной волны разбиваются уникальные в нашей коллекции чашки Ломоносовского завода – они стояли на подоконнике, приготовленные для упаковки.

Отбой. Едем на грузовике на Курский вокзал. Грузимся. Опять тревога. Отправление поезда задерживается. Трудно расстаться с женой и сыном. Мирский предлагает мне ехать с ними. Театр все равно скоро приедет в Горький. В самом деле, почему бы и нет? И я решил ехать без билета…»

В Горький приехали следующим утром. Жить Менакеров определили в гостиницу «Москва». Правда, номер был заказан на двух человек, а приехали сразу четыре. Но эту проблему разрешили быстро: занесли в номер дополнительную кровать.

Менакер и Миронова с утра до вечера пропадали в драмтеатре и за маленьким Андреем присматривала Аннушка. Гулять обычно они выходили в скверик возле театра. Причем из-за отсутствия прогулочной коляски, которую оставили в Москве, ребенка приходилось все время держать на руках. Естественно, пожилая няня уставала. И однажды едва не случилась беда. Как-то вечером Менакер и Миронова возвращались после работы домой и по своему обыкновению шли через сквер, чтобы забрать с собой Андрея и Аннушку. И что же они увидели? Няня сидела на лавке и спала, а Андрей лежал на земле, скатившись туда с лавки. Супруги бросились к сыну, предполагая самое страшное. Но все обошлось: толстое одеяло смягчило удар и ребенок остался цел и невредим. Ругать пожилого человека не стали: такое могло случиться с каждым.

В начале августа в Горький прибыл Театр эстрады и миниатюр. Начались регулярные представления в драмтеатре, выступления в госпиталях. А во второй половине августа театр отправили в агитационный поход по Волге на теплоходе «Пропагандист». Пятимесячного Андрея и няню Менакеры взяли с собой. Вчетвером они жили в каюте с двумя иллюминаторами почти на уровне воды. Агитпоездка длилась до конца октября. Затем теплоход отправился в обратный путь, а театр высадился в Ульяновске. На полуразбитом автобусе работников театра (более тридцати человек) привезли в гостиницу. Свободными оказались лишь два номера, куда всех и разместили. Но Менакерам повезло. В коридоре они встретили свою знакомую – сценаристку Ирину Донскую, супругу кинорежиссера Марка Донского, и она забрала их к себе в номер. А вечером того же дня у Андрея резко поднялась температура – до тридцати девяти градусов (видимо, он простыл, когда его выносили из жаркой комнатки на дебаркадере к автобусу). Все, естественно, переполошились, бросились искать лекарства, но к утру температура спала так же резко, как и поднялась.

Отыграв спектакли в Ульяновске, театр продолжил свои гастроли. Теперь его путь лежал в Куйбышев. Менакеру эта поездка была особенно радостна – в этом городе жили его родители, которые еще ни разу не видели воочию своего второго внука. Первого они уже много раз видели, к тому же в ту осень 41-го Кирилл Ласкари находился у них в Куйбышеве. Там и произошла первая встреча двух сводных братьев: шестилетнего Кирилла и восьмимесячного Андрея. Вот как об этом вспоминает сам К. Ласкари:

«Впервые я увидел Андрея на перроне железнодорожного вокзала. Шла война. «Ташкентский» прибывал в Куйбышев глубокой ночью. Очень хотелось спать.

– Сейчас мы его увидим, боже мой. Не спи, Кирочка, – говорил дед Сеня. Голова моя лежала у него на плече. Глаза слипались, убаюкивал цокот копыт по булыжной мостовой. На вокзал мы отправились заранее заказанным гужевым транспортом.

Из вагона Андрюшу вынес папа. Тетя Маша отдернула угол теплого одеяла, в которое он был завернут, и я увидел смешное личико спящего маленького мальчика.

– Это твой брат, – сказал, улыбнувшись, папа. Они, наши родители, папа, моя мама и тетя Маша, сделали так, что с малых лет наше отношение друг к другу было братским, родственным в подлинном понимании этого слова. Низкий им за это поклон…»

У дедушки и бабушки Андрей вместе с родителями пробыл около недели. После чего 11 ноября труппа выехала в Ташкент. Добирались туда девять дней. А когда наконец приехали, прямо на вокзале Андрей внезапно стал сильно плакать. Поначалу никак не могли

определить причину слез, пока нянечка не догадалась открыть младенцу ротик. Оказалось, у мальчика прорезался первый зубик.

Первую ночь труппа провела в фойе Театра оперетты. А утром следующего дня все отправились искать себе жилье. Сделать это было не так легко, если учитывать, что к тому времени Ташкент был буквально переполнен эвакуированными – сюда перебросили крупнейшие заводы, театры, киностудию «Мосфильм». И Менакерам снова повезло. На улице они встретили свою давнюю знакомую Клавдию Пугачеву (Менакер знал ее еще по своему ленинградскому житью-бытью), которая забрала их к себе – в однокомнатную квартиру в центре города, на Пушкинской улице. Менакерам и Аннушке была отдана под жилье кухня. Все спали на полу, причем Андрюше было выделено в качестве матраца каракулевое пальто его матери. Там они прожили несколько дней. Как будет вспоминать много позже К. Пугачева: «Андрюша был прелестный и спокойный ребенок с большими светлыми глазами. Даже когда у него поднималась температура, он как-то нежно и покорно прижимался к няниному плечу. Я ни разу не слышала его плача ни днем, ни ночью, даже тогда, когда он был сильно простужен и кашлял беспрерывно. Няня, показывая на меня, говорила Андрюше: «А вот эта тетя Капа. Понял? Тетя Капа», – повторяла она. Так до конца его дней он и называл меня «тетя Капа»…»

Спустя несколько дней дирекции театра удалось выбить для своих сотрудников более комфортное жилье – в гостинице «Узбекистон». Менакерам достался номер, в котором было две кровати. Обе заняли взрослые, а для Андрея Аннушка раздобыла корзину, которую она выклянчила у сердобольной узбечки – дежурной по этажу. Как нянечка умудрилась это сделать, Менакеры так и не поняли – узбечка ни слова не говорила по-русски. Но еще сильнее их ошеломило то, что раньше корзина служила местом, куда складывали грязное белье. Узнав об этом, Миронова категорически заявила: «Андрюшу я туда не положу!» Но нянечка и здесь нашла выход из трудного положения. «Ничего, я ее опарю». И целый день парила карзину, после чего столько же ее сушила. И только после этого родители Андрея разрешили уложить в нее сына.

В начале декабря Театр эстрады и миниатюр дал свое первое представление – в Доме Красной Армии Среднеазиатского военного округа. Прошло оно с огромным успехом, и военное начальство попросило труппу дать гастроли в воинских частях округа (Фергана, Самарканд и др.). Естественно, эта просьба была воспринята как приказ. Но не всеми. Мария Миронова отказалась уезжать из Ташкента, сославшись на то, что она кормящая мать и что ее ребенок плохо себя чувствует. Может быть, в других обстоятельствах на этот отказ руководство театра закрыло бы глаза, но время было другое, военное. И директор театра по фамилии Махнуро… подал на Миронову в суд. Ситуация складывалась нешуточная, если учитывать, что по законам военного времени саботажникам грозило суровое наказание – вплоть до расстрела. Однако суд длился каких-нибудь несколько минут. Вот как об этом вспоминал А. Менакер:

«Для защиты мы обратились к одному из наиболее видных московских адвокатов, Леониду Захаровичу Кацу, тоже находившемуся в Ташкенте, и он согласился участвовать в этом «шумном процессе». И вот идет суд. Душное помещение набито до отказа. Тут актеры театра и многие наши друзья. Судья прочитала исковое заявление, в котором звучало грозное слово «саботаж», но не была указана причина отказа Мироновой от поездки. Когда Кац назвал причину, по залу пронесся гул возмущения. Представитель Дома Красной Армии развел руками, сказав, что его ввели в заблуждение, а судья сделала выговор директору: «Как вам не стыдно бросаться такими словами и отнимать время у суда?!» Естественно, справедливость восторжествовала, и театр поехал без Мироновой…»

Примерно около месяца Менакер с театром колесил по Узбекистану, после чего вернулся в Ташкент. Сразу после этого его семье удалось подыскать себе более подходящее

жилье – частную квартиру на Учительской улице. За стенкой жил старейший драматург Константин Липскеров, а за углом – популярный актер МХАТа Осип Абдулов (спустя год он снимется в фильме «Свадьба», где произнесет свою крылатую фразу: «В Греции все есть!»).

Примерно через неделю, в январе 1942 года, Менакер снова уехал на гастроли. Миронова осталась в Ташкенте и откровенно изнывала от скуки (за Андреем большую часть времени приглядывала Аннушка). И однажды, будучи у Бернесов, она поделилась с ними своими мыслями на этот счет. И попала в точку. Как оказалось, Марк Бернес тоже давно подыскивал достойное занятие для своей жены-актрисы Паолы и предложил им с Мироновой выступать дуэтом. А тексты для будущих миниатюр надоумил заказать у драматурга Николая Погодина. Женщинам совет пришелся по душе. Так появился эстрадный дуэт Мария Миронова и Паола Бернес, который исполнял миниатюру «На Алайском базаре» (Миронова играла украинку, эвакуированную в Ташкент, а Паола – местную жительницу, торговавшую на базаре продуктами).

И все же на душе у Мироновой было неспокойно. Снова заболел Андрей, причем очень серьезно. Он спал только на руках, и в течение недели они с няней днем и ночью попеременно носили его по комнате, пол которой был… земляным. Это были бессонные ночи, когда Миронова то и дело слушала, дышит сын или нет, и ей иной раз казалось, что уже не дышит. Андрей лежал на полу, на газетах, не мог уже даже плакать. Глазки у него совсем не закрывались. Каждый день Миронова уходила на базар и продавала последние вещи. А на базаре лоснящиеся от жира торгаши, сидящие на мешках с рисом, неизменно повторяли ей: «Жидовкам не продаем» (они почему-то упорно принимали ее за еврейку).

Между тем врач, которому она показала сына, сказал, что это похоже на тропическую дизентерию и что спасти мальчика может только одно лекарство – сульфидин. Но где его взять в Ташкенте? После нескольких дней безуспешных поисков Миронова впала в настоящее отчаяние – Андрей буквально таял на глазах. Она знала, что от этой же болезни некоторое время назад умер сын Абдуловых, и эти мысли приводили ее в отчаяние. Неужели эта же страшная участь ожидает и ее сына, ее Андрюшеньку? Смириться с этим было невозможно. Спасло чудо. На том самом Алайском базаре, про который шла речь в миниатюре Мироновой, она случайно встретила жену прославленного летчика Михаила Громова (в 1937 году вместе с А. Юмашевым и С. Данилиным он совершил беспосадочный перелет Москва – Северный полюс – США, а теперь был командующим ВВС Калининского фронта) – Нину Громову. Узнав, какое лекарство необходимо Мироновой, она немедленно вызвалась помочь. В тот день в Москву летел спецсамолет, к отправке которого Нина Громова имела непосредственное отношение. Она наказала летчику связаться с ее мужем и передать ему настоятельную просьбу – достать сульфидин. Просьба была выполнена. Так будущий гений театра был спасен в очередной раз. Спустя много лет, встретившись с Михаилом Громовым, Миронова от всей души поблагодарит его за спасение сына.

К слову, Громовы были не единственными, кто отнесся к Мироновой и ее сыну с участием. В те же дни в Ташкенте оказалась знаменитая «королева романса» Изабелла Юрьева с мужем Исааком Эпштейном, и они, узнав о болезни Андрея, немедленно пришли в домик на Учительскую и принесли с собой несметные богатства: манную крупу, сахарный песок, шоколад. Объяснили, что только что получили из Москвы посылку и хотят поделиться ее частью с Андреем. Миронова, глядя на гостей, не могла вымолвить ни слова – только стояла и плакала. И опять много лет спустя, уже после войны, во время концерта Юрьевой в Доме литераторов в Москве, Миронова придет к ней в гримерку и начнет благодарить за тот ташкентский эпизод. Юрьева удивится: «Машенька, как? Вы это помните?» – «Такое не забывается», – ответит Миронова.

Тем временем в конце марта должны были закончиться гастроли Менакера. Но после короткого пребывания в Ташкенте он снова уехал на очередные выступления: на этот раз в

Барнауле, Новосибирске и Томске. Деньги, которые он привез с гастролей, быстро закончились, и его семье снова пришлось потуже затягивать пояса. Но в мае Менакер их здорово выручил – прислал переводом целых две тысячи рублей. Эти деньги он раздобыл, продав свое роскошное зимнее пальто с воротником и лацканами из серого же каракуля. И хотя пальто стоило вдвое дороже той суммы, что ему заплатили, но Менакер и этому был рад – он знал, что вырученных денег его семье хватит надолго.

В Ташкент Менакер вернулся в начале июня 1942-го. К великой радости отца, сын, который не видел его почти пять месяцев, узнал его и даже вслух выговорил слово «папа». Впервые выговорил! Словом «мама» он к тому времени владел уже в совершенстве.

Спустя неделю после возвращения в Ташкент Менакер взялся за подготовку новой эстрадной программы для театра. Еще через некоторое время программа была готова и состоялась ее премьера. Успех у нее был грандиозный. Причем настолько, что про нее прознали в Политуправлении Красной Армии и немедленно затребовали в Москву. Благодаря этому пребывание Менакеров в Ташкенте закончилось: в середине октября 1942 года они вернулись в Москву. Вот как вспоминала о тех днях М. Миронова:

«Москва была иной, чем мы ее покинули – строгой, дисциплинированной, малолюдной и поразительно чистой. Встретивший нас главный администратор театра Сергей Алексеевич Локтев, которому мы, уезжая из Москвы, оставили ключи от нашей квартиры, возвращая их, сказал, что первое время все-таки будет удобнее пожить в гостинице – номера ждут. В то время многие писатели и композиторы жили в гостиницах – там было теплее и можно было прикрепить карточки на обед.

Мы поселились в старой гостинице «Гранд-отель», действительно удобной и уютной. Теперь ее уже нет, на ее месте стоит новый корпус гостиницы «Москва».

Не успели расположиться, как стали приходить друзья – большинство в военной форме: Ленч, Изольдов, братья Тур, работавшие корреспондентами. Они рассказывали много интересного. Постепенно мы входили в ритм московской жизни.

Назавтра, с понятным волнением, мы отправились на Петровку. Удивительно, но дома все было в полном порядке. На кухне висели выстиранные перед отъездом пеленки и менакеровские носки, а в буфете – испеченный мною, тоже перед самым отъездом, песочный пирог с вареньем. Господи, с каким удовольствием мы его съели! Потом прошлись по Столешникову, Дмитровке, по проезду Художественного театра и вышли на улицу Горького, чтобы посмотреть на наш театр…»

В «Гранд-отеле» Менакеры прожили несколько дней, после чего перебрались в свою квартиру на Петровке. А еще спустя несколько дней главе семейства и его жене предстояло ехать с гастролями на Калининский фронт. Но прежде чем туда отправиться, надо было позаботиться о няне с сыном – на город еще продолжали совершать налеты немецкие бомбардировщики. К счастью, в этом же доме, на первых трех этажах, располагался Коминтерновский райисполком, с председателем которого – Турчихиным – Менакеры были знакомы. Как-то они ехали с ним в лифте и поделились своими опасениями насчет няни и сына. «Не беспокойтесь, – ответил Турчихин, – езжайте себе спокойно, а мы за ними присмотрим. Во время тревоги я буду отправлять к ним дежурного милиционера и он будет провожать их в бомбоубежище». У Менакера и Мироновой отлегло от сердца и спустя пару дней они со спокойной душой выехали в Калинин.

Вспоминает М. Миронова: «И вот наступил день отъезда. Рано утром за нами заехал грузовик, чтобы ехать на вокзал. В кузове его на досках сидели члены фронтовой бригады. Няня с Андрюшей вышли нас проводить. Увидим ли мы еще своего сына? Грузовик тронулся, а мы смотрели на удаляющегося Андрюшу – он казался маленьким и беззащитным – в ярко-красных длинных брючках и валеночках. Это был единственный парадный костюм, которым он страшно гордился. Красные брюки Аннушка Виноградова перешила из баш-

лыка, подаренного кавалерийским генералом В. Крюковым, мужем Л. Руслановой, потому что сшить штаны было больше не из чего. Правда, башлык был из овечьей шерсти и очень «кусался». Андрюша все время чесался, а мы убеждали его, что так и нужно, зато тепло. Эти брюки назывались у нас «генеральско-кавалерийскими», а валенки, которые каким-то чудом раздобыл и подарил Андрею Матвей Блантер, называли «композиторско-музыкальными»…»

Домой Менакер и Миронова вернулись в начале декабря. А уже в середине этого же месяца в Театре эстрады и миниатюр состоялось открытие нового сезона. Был показан спектакль «Москвичи-земляки». Сразу после премьеры труппа взялась за новую постановку – спектакль «Без намеков». Короче, работы у Менакера и Мироновой было невпроворот, и весь световой день, а иной раз и темную часть суток они пропадали на работе. И за Андреем продолжала следить его нянечка Анна Сергеевна, или просто Аннушка. Отношения между ними были очень теплыми. Аннушка, будучи человеком набожным, рассказывала мальчику о Боге и святых угодниках, учила молитвам и водила в церковь по воскресеньям и великим праздникам. Родители Андрея этому не препятствовали. Андрей нянечку очень любил, однако совершенно не боялся, в отличие от своей мамы, которая была действительным хозяином в доме – здесь любое ее приказание выполнялось беспрекословно. С Аннушкой Андрей вел себя куда более вольготно. Только ей он мог сказать то, что в его адрес частенько произносила мама: «Нянька, ты как соплюшка… Как коова… Как медведь…» Еще одним любимым словечком трехлетнего Андрюши Миронова было слово «белиберда», которое он произносил на свой манер – «пелиберда». В его устах слово звучало очень уморительно. Тем более если учитывать, что будущий гений был тогда толстым, губастым мальчиком с белесыми ресницами.

Как и всякий ребенок, Андрей в свои три года был крайне любознательным. Поскольку нянечка была человеком малообразованным и не могла толком ответить на все его многочисленные вопросы, Андрей буквально изводил ими своих родителей, а также многочисленных гостей, которые часто бывали в их доме.

Между тем именно в возрасте трех лет Андрей впервые посетил театр своих родителей. Пришел он туда с Аннушкой, которую об этом попросили Менакер и Миронова. И хотя Анна Сергеевна сроду ни в какие «кеатры» не ходила, здесь она не посмела ослушаться. И привела Андрея на утренний спектакль. Знай зачинщики этой идеи заранее, чем этот поход обернется, наверняка бы поступили иначе.

Гостей посадили на самые почетные места – в директорскую ложу. В тот день давали «Даму в черном», в котором играли оба родителя Андрея. И он, увидев отца на сцене, внезапно перегнулся через барьер и громко закричал на весь зал: «Папа!» И, удивленный, что отец не реагирует на его крик, закричал еще громче: «Па-па!» Зал взорвался от смеха. Смеялись и партнеры Менакера по сцене. А сам Александр Семенович был так обескуражен происходящим, что какое-то время не знал, что делать. А Андрей, видя, что зал бурно реагирует на его крики, разошелся еще сильнее: «Папа! Папа, это я!» Наконец первым нашелся один из артистов. Он вышел на авансцену и потребовал убрать ребенка из зала. На что Аннушка ему ответила: «Ребенок отца увидал, что вам, жалко, что ли ча?!» После этих слов хохот в зале стал всеобщим. Играть дальше было невозможно, и руководство театра дало команду опустить занавес. А маленькому Андрею так понравилось быть в центре внимания, что он долго после этого случая приставал к родителям с одним-единственным вопросом: «Когда я снова пойду в театр?» Родители врали сыну, что скоро, мысленно буквально содрогаясь от подобной перспективы.

В ноябре 1945 года Менакер и Миронова отправились с гастролями в Берлин. Пробыли они там почти два месяца и домой вернулись 1 января 1946 года. Вернулись не с пустыми руками – они привезли сыну электрическую железную дорогу. Подарок был вру-

чен Андрею прямо во дворе дома на Петровке, где он гулял вместе с нянечкой. Описывать восторг ребенка не имеет смысла – такой игрушки не было ни у одного из друзей Андрея.

Тем временем вскоре после возвращения из Берлина Менакеру и Мироновой пришлось покинуть Театр эстрады и миниатюр. Поводом к уходу послужила статья в «Правде», посвященная пьесе Менакера «Бронзовый бюст». Главная газета страны камня на камне не оставила от этой постановки, назвав ее «фальшивой комедией». После этого дни Менакера в театре, в котором он проработал более десяти лет, оказались сочтены. Следом за мужем ушла из театра и Миронова. У них был единственный путь – на эстраду.

Летом 1946 года Андрей во второй раз увидел отца и мать на сцене. И опять ничем хорошим это не закончилось. Случилось это в летнем театре сада ЦДСА во время представления «Товарищ публика». Вот как об этом вспоминала М. Миронова:

«В один из теплых летних вечеров мы взяли в сад ЦДСА шестилетнего Андрюшу. Он стоял за кулисами и внимательно слушал родителей. Вдруг в середине номера раздался дружный смех, которого мы совершенно не ожидали. Менакер даже осмотрел костюм: все ли в порядке по линии туалета? Мне почему-то приходит в голову мысль, что по сцене пробежала кошка, – у зрителей это всегда вызывает неописуемый восторг. Поворачиваю голову и вижу стоявшего на середине сцены Андрюшу с открытым ртом: он так увлекся творчеством родителей, что захотел разглядеть их поближе и вышел на сцену. Это был первый выход Андрея Миронова на эстраду…»

К слову, в семье Миронова царил откровенный матриархат: культ Марии Владимировны был беспрекословным. Ослушаться ее не смел никто, в то время как она могла делать все, что ей заблагорассудится. Могла кричать, ругаться, кидать в мужа тарелки и другую посуду. Менакер сносил эти вспышки стоически, зная, что за минутным порывом гнева обязательно последует примирение. Маленький Андрей тоже терпел внезапные вспышки ярости матери, беря пример со своего отца. Однажды он спросил у папы, почему их мама так кричит на них, на что получил все объясняющий ответ: «Наша мама сильно устает». – «Но ты ведь тоже устаешь», – резонно удивился Андрей. «Мама устает больше», – поставил точку в этом споре отец. В этот миг из гостиной донесся зычный голос виновницы этого разговора: «Еврейчики, идите обедать». «Еврейчиками» Мария Владимировна в шутку звала мужа и сына.

Рассказывает Л. Маковский: «…К Андрею домой мы, его одноклассники, ходили почти каждый день. Ведь Мария Владимировна с Александром Семеновичем чаще всего были на гастролях, а с Андреем дома оставалась его няня Катя, к которой мы все быстро привыкли. В двухкомнатной квартире Андрея мы могли чувствовать себя свободно. Семья Андрея жила в достатке. Миронова и Менакер хорошо зарабатывали и, вероятно, могли купить сыну все, привезти из-за границы… Но – не привозили! Одевался Андрей точно так же, как и остальные мальчики. Вещей имел немного. И карманных денег – в обрез. При этом Андрей постоянно на что-то копил и то и дело урезал расходы на завтрак в школьной столовой. Как я потом понял, родители просто боялись испортить его карманными деньгами. Хотя были совсем не жадными людьми.

Помню такой случай. Как-то один наш одноклассник забежал к Андрею домой, да не застал. Ему открыл Менакер. Одноклассник говорит: «Очень нужно позвонить!» – «Пятнадцать копеек!» – отчеканил папа Андрея. Мальчик опешил – это же большие деньги для школьника, у нас пирожки в столовой давали даром, а на 15 копеек можно было в кино сходить… Ну, он подумал, дядя шутит, и начал звонить. Менакер же нажал на рычаг: «Пятнадцать копеек!» Мальчик покраснел, отдал последние деньги, позвонил и вышел обиженный. А потом в кармане нашел у себя рубль, подброшенный отцом Андрея, и понял, что его разыграли. Это, конечно, было удивительно: мы-то привыкли, что взрослые – люди серьезные. Кстати, Андрей тоже обожал придумывать шутки. Позвонить кому-нибудь, разыграть – это

у него было в порядке вещей! С одной стороны, он был приучен к дисциплине. С другой – внутренне оставался свободен. Миронов доверял родителям все, а это знак, что они имели к нему подход. Я заметил, что Мария Владимировна уже с первого класса знала нас всех по именам, из каких мы семей, была в курсе всех наших школьных событий. Мы знали, что мама Андрея любит порядок и чистоту и в ее присутствии старались быть аккуратными. При этом родители Андрюши отличались хлебосольством. Вот сколько Андрей приведет одноклассников, столько Мария Владимировна и накормит… Иногда Менакер и Миронова приходили в школу на наши классные вечера, что всегда производило настоящий фурор. Артисты такого уровня запросто сидели на стульчиках в нашем актовом зале! Мария Владимировна и Александр Семенович пользовались у нас большим авторитетом. Когда у Андрея не хватало аргументов в споре, он срезал нас так: «А мама (или папа) говорит, что это так!» И мы соглашались: «Ну раз такие люди сказали – значит, это и правда так…»

Принято считать, что чуть ли не с самого раннего детства Миронов мечтал стать артистом. Но это не совсем так. Ему всегда нравилось то, чем занимаются его родители, но он в то же время видел, каких огромных трудов им стоит актерская стезя. Поэтому были моменты, когда Миронов задумывался и о других профессиях. Правда, все они были связаны с искусством. Так, в старших классах школы он пробовал свои силы как художник, рисуя различные этюды. Затем увлекся стихами. А в конце обучения буквально заболел музыкой, джазом, и даже играл в школьном оркестре на ударных инструментах. Его мечтой в те годы было купить импортную ударную установку, которую он присмотрел в знаменитом музыкальном магазине на Неглинной улице. Но этой мечте так и не суждено было осуществиться: Миронова окончательно и бесповоротно увлек театр. И первый раз он вышел на сцену в седьмом классе, играя в спектакле школьного драмкружка «Русские люди» по К. Симонову роль немца фон Краузе. Роль была очень живая: в ней Миронов яростно клеймил фашистскую Германию. Видимо, клеймил очень достоверно, если уже на следующий день, 7 ноября 1955 года, Миронов проснулся знаменитым. Он вышел погулять во двор, и тут же вокруг него собралась толпа сверстников, которая наперебой принялась хвалить его за вчерашний спектакль. Кто-то даже протянул Миронову леденец, что было проявлением самой высшей дворовой славы.

Увлечение Миронова театром успешно продолжилось и в дальнейшем. В 9-м классе их классный руководитель Надежда Георгиевна Панфилова организовала театральную студию, в которую Андрей немедленно записался. Его первой ролью там был Хлестаков из «Ревизора». Чуть позже он стал посещать студию при Центральном детском театре. А еще – он постоянно ходил на все громкие столичные премьеры. Наиболее яркие детские театральные впечатления остались у него от спектаклей Центрального театра Красной армии. Он видел чуть ли не все его спектакли, в том числе и знаменитую постановку «Давным-давно» с Любовью Добржанской в роли гусара-девицы Шурочки Азаровой. Из зарубежных постановок больше всего его потрясла игра актрисы «Берлинского ансамбля» Елены Вайгель в спектакле Б. Брехта «Матушка Кураж». Это была настоящая школа переживания – Вайгель играла все «по Станиславскому»: не показывала свою героиню, а проживала ее жизнь.

Летом 1958 года Миронов окончил десятый класс и твердо заявил своим родителям, что собирается связать свою дальнейшую судьбу с театром. Родители встретили это заявление без особого энтузиазма. Наиболее скептически высказалась мама, которая заявила: «То кривляние, что ты демонстрируешь в школе, театром назвать нельзя». Видимо, она просто боялась, что ее сын провалится на экзаменах и тем самым бросит тень на своих родителей. К счастью для отечественного искусства, Миронов нашел в себе силы ослушаться свою мать. Может быть, впервые в своей жизни.

Рядом с домом Миронова находилось целых два театральных вуза: Школа-студия МХАТ и театральное училище имени Щепкина. Если учитывать, что театральная студия

при Центральном детском театре, где два года играл Миронов, тяготела к МХАТу, то Миронову была прямая дорога в Школу-студию. Но он вопреки всем прогнозам выбрал Щукинское училище. И выбрал не случайно: с вахтанговским театром тесно переплелась судьба его матери, которая считала Б. В. Щукина одним из главных своих учителей. А в кабинете самого Евгения Багратионовича Вахтангова Мария Миронова занималась, когда училась в Театральном техникуме (кабинет им отдала под занятия супруга режиссера, которая работала секретарем директора техникума).

Между тем первый тур Миронову не понадобился. Уже на консультации он так блестяще прочитал отрывок, что экзаменаторы засмеялись. Они увидели в нем зачатки будущего комика. И пригласили сразу – минуя первый – на второй тур.

Вспоминает Виктория Лепко (она поступала в «Щуку» в эти же дни): «Вы знаете, как бывает при поступлении. Сначала идут консультации, очень много народу, и все друг друга не видят, потом кто-то отсеивается, а какая-то группка остается. Тогда начинается общение.

Среди других такой толстый мальчик, всегда прыщавый какой-то был, чисто мужской красотой не привлекал внимания абсолютно, и даже казалось, что неуклюжий достаточно, застенчивый, можно сказать, закомплексованный, к девочкам не подходил.

Мальчик такой… я бы на него внимания не обратила. Даже как бы посочувствовала: бедный мальчик, родители обкормили, я думала, потом дети всю жизнь не могут похудеть и мучаются. Толстый мальчишка, думаю, бедняга. Такие дети всегда очень комплексуют, это в нем еще было.

Потом, когда подходил, начинал что-то рассказывать и как-то весело показывать и сразу совершенно преображался. Глаза искрились, а потом, когда мы начали заниматься всякими движениями, оказалось – он замечательно двигался при всей своей комплекции. Короче говоря, оказался очень обаятельным и веселым…»

Присущие Миронову обаяние и юмор сослужили ему хорошую службу – его приняли в «Щуку» (курс И. Рапопорта, А. Борисова). Как раз в те же дни с гастролей по Дальнему Востоку вернулись родители Миронова, и Мария Владимировна встретила на улице актрису Театра имени Вахтангова Марию Синельникову, которая входила в экзаменационную комиссию «Щуки». И та буквально сразила Миронову неожиданным признанием: «Ты знаешь, Маша, мы приняли парня с твоей фамилией. Очень смешной мальчишка!» – «Да это же мой сын!» – воскликнула Миронова, чем привела подругу в еще больший восторг.

Стоит отметить, что из отпрысков знаменитых родителей в группе Миронова оказались еще два человека: Виктория Лепко (дочь актера Театра сатиры Владимира Лепко) и Николай Волков (сын актера Николая Волкова).

По свидетельству многих, Андрей Миронов в начале своего обучения в «Щуке» был не очень выразителен, особенным талантом не выделялся. Вот Юрий Волынцев или Николай Волков выделялись, а он нет. Многие тогда удивлялись: вроде бы у него такие талантливые родители, а сын – так себе. И художественный руководитель курса Иосиф Матвеевич Рапопорт первое время тоже не видел в Миронове будущего гения сцены. Хотя глаз у него был наметанный. Перед этим он выпустил курс, который сразу выстрелил несколькими звездами: Василием Лановым, Вячеславом Шалевичем, Василием Ливановым. На мироновском курсе тоже были свои потенциальные звезды, только вот Андрей Миронов в их число поначалу не входил. Хотя учился он в высшей мере увлеченно, практически на одни пятерки. Если у него случались четверки, то он жутко переживал и всеми возможными способами старался их исправить. Его однокурсники недоумевали, зачем ему это – как сыну состоятельных родителей стипендия ему не полагалась. Но они не знали, что мечтой Миронова было получение красного диплома. Он не хотел подвести своих родителей и в первую очередь маму, которая была очень строгим критиком.

На советской эстраде дуэт Миронова – Менакер пользовался неизменным успехом у зрителей. За почти полувековую творческую жизнь этот дуэт выпустил в свет несколько спектаклей, где показал зрителям больше двух сотен различных миниатюр. С ними считали за честь работать самые лучшие писатели-юмористы в стране, под их концерты выделялись лучшие концертные площадки. Роли-маски в этом дуэте выглядели неизменно: Менакер играл роль положительного мужа, а Миронова – роль невежественной и чрезвычайно амбициозной жены. Роли свои актеры исполняли виртуозно, хотя играть в общем-то ничего особо и не требовалось – в реальной жизни у этих артистов роли распределялись таким же образом: Менакер всецело находился под каблуком у властной Мироновой.

Вспоминает однокурсник Андрея по «Щуке» Михаил Воронцов: «Иногда Андрей приглашал нас в родительскую квартиру в Рахмановском переулке – разумеется, в их отсутствие. И после вечеринок мы с ним часами драили каждый уголок. Коллекционные тарелки Марии Владимировны перетирали все до одной. И даже прыскали духами, чтоб не пахло водкой. У Марии Владимировны нюх был, как у собаки Баскервилей! К ее приезду все должно было быть в идеальном порядке, она ненавидела пыль и грязь. Мирон перенял от матери любовь к чистоте, которую сохранял до конца своих дней. Его чистоплотность иногда доходила до настоящего занудства. Как-то пришел я к нему уже в его собственную квартиру в Волковом переулке, сел в кресло, а Андрей как завопит: «Ой, подожди, подожди, встань!» Взял какую-то тряпочку и обтер это место, расправил складки на покрывале и только потом разрешил сесть…»

После окончания «Щуки» Миронов мечтал попасть в профильный театр этого училища – вахтанговский. Но его туда не взяли, чем повергли в шок. Причем не только его, но и его маму. Поэтому она позвонила главному режиссеру театра Рубену Симонову и спросила: «Почему вы не приняли моего сына в театр?» Тот ответил честно: «У меня уже есть Лановой, Шалевич, Яковлев, Ульянов. Все довольно молоды и все хотят играть. Куда мне еще и Миронов? Пусть идет туда, где в этом есть необходимость».

В итоге Андрей попал в Театр сатиры. И, как оказалось, к лучшему – он быстро стал там ведущим артистом, настоящей звездой. Как объясняет его однокурсник М. Воронцов, который после «Щуки» попал в вахтанговский театр:

«…Надо сказать, что в Театре сатиры, куда поступил Андрей, ему было лучше, чем могло быть в вахтанговском. В «Сатире» все решала супруга Плучека, которой Андрей очень понравился, поэтому он играл все роли, какие желал. Чувствовал себя свободно, мог сниматься в кино и ездить между спектаклями на коммерческие гастроли вдвоем с Папановым. Но иногда я чувствовал: Андрей так и не смирился с тем, что в Театр имени Вахтангова его не взяли…»

Кстати, у родителей Миронова с четой Плучеков сложились дружеские отношения – они периодически приглашались в квартиру Мироновой и Менакера на разного рода праздники.

Своего единственного сына Мария Владимировна опекала с раннего детства и заботилась о нем точно так же, как когда-то и ее мать о ней. Иногда эта забота была поистине маниакальной. Даже когда Андрей вырос, Миронова продолжала вмешиваться в его жизнь, в том числе и личную. Например, если ей не нравилась какая-нибудь из избранниц ее сына, она делала все, чтобы этой девушки в их доме больше не было. Так она расстроила множество любовных романов своего сына: с Натальей Фатеевой, Татьяной Егоровой, Екатериной Градовой. И только когда в 1975 году Миронов женился на Ларисе Голубкиной, Миронова вроде бы успокоилась. Видимо, наконец поняла, что сын ее уже окончательно вырос и имеет право самостоятельно устраивать свою жизнь.

Миронова и Менакер подняли планку искусства эстрады достаточно высоко. Они сумели и сыну своему, Андрею Миронову, не только передать гены, но и привить вкус и

любовь к эстраде, на которой он блестяще выступал, унаследовав музыкальность, интеллигентность, тактичность отца, блеск, остроту, темперамент и яркость матери.

Шестого сентября 1978 года в газетах появилось сообщение о том, что родители Андрея Миронова удостоились высоких званий: Мария Миронова стала народной артисткой РСФСР, а Александр Менакер – заслуженным артистом РСФСР. Будучи тогда плотно занятым на съемках, их сын поздравил родителей по телефону.

Между тем последним совместным спектаклем Мироновой и Менакера стал «Номер в отеле» по пьесе Нила Саймона, который увидел свет за два года до присуждения им высоких званий – в 1976 году. Они играли его несколько лет, пока в начале 1980-х Менакера не свалил инсульт. В марте 1982 года он скончался. Этой трагедии предшествовали следующие события.

Шестого марта Александр Менакер собрался на свою обычную утреннюю прогулку. Он оделся, вошел в комнату, где сидела его жена, но внезапно схватился за сердце. Произнеся только одно слово «Маша!», он рухнул замертво на пол. Приехавшие по вызову врачи были бессильны – смерть наступила мгновенно. Менакер не дожил до своего 69-го дня рождения (8 апреля) чуть больше месяца.

Вспоминает Ф. Чеханков: «Шестого марта 1982 года мне позвонила Лариса и сказала, что Александра Семеновича не стало. Я примчался на Арбат, он лежал на том самом красном диванчике, где обычно отдыхал Андрюша. С подвязанным подбородком, по старому русскому обычаю. Мария Владимировна выглядела окаменевшей. Потом я уехал на спектакль. В тот вечер я играл «Лес». Когда я вернулся после спектакля, Александра Семеновича уже увезли. Мне говорили, что, кажется, единственный раз в жизни Мария Владимировна громко закричала, – когда его увозили…»

Собщить Миронову эту страшную новость по телефону никто не решился. Решили дождаться, когда он приедет в Москву. Однако и 7 марта утром, когда Миронов переступил порог квартиры на Селезневской улице, его жене Ларисе Голубкиной не хватило сил сказать ему о смерти отца. Уж больно уставшим выглядел гастролер. Практически сразу он завалился спать, чтобы вечером отдохнувшим выйти на сцену (он должен был играть в «Бешеных деньгах»). Когда Миронов проснулся, он обнаружил в доме своего сводного брата Кирилла Ласкари. Он-то и сообщил ему горькую весть. А 8 марта, в день рождения Миронова, в их семью пришла еще одна скорбная весть: умер давний друг их семьи Леонид Утесов. Дядя Ледя, как называл его в детстве Миронов. По злой иронии судьбы, в тот праздничный день по ТВ показали традиционный «Голубой огонек» (21.35), где принимал участие и Андрей Миронов – он пел шуточную песню «Ну чем мы не пара?». Однако запись «Огонька» происходила почти месяц назад, когда на душе у Миронова были совсем иные чувства. А в тот праздничный день смеяться и петь ему совсем не хотелось.

Десятого марта состоялись похороны Александра Менакера. Гражданская панихида прошла в Доме актера. Народу пришло много. Лифты там были маленькие, поэтому гроб с пятого этажа пришлось нести на руках. Похороны состоялись на Ваганьковском кладбище.

После смерти мужа Миронова какое-то время не работала. Ее сын, понимая, что только работа может вывести мать из депрессии, посоветовал ей вернуться в театр. Миронова устроилась в театр «Современник», где получила роль в спектакле «Эшелон».

Тем временем 2 января 1985 года в Центральном доме актера имени А. Яблочкиной состоялась презентация книги мемуаров Марии Мироновой и Александра Менакера под названием «В своем репертуаре…». В тот вечер зал был полон: пришли все, кто был близко знаком с четой Менакер – Миронова, кто на протяжении многих лет восторгался их талантом. Вечер удался на славу. Мария Владимировна была истинной «королевой бала»: одна, а также вместе с сыном она читала отрывки из книги, а когда присела отдохнуть, то Андрей

продолжил развлекать публику без нее. Вместе с композитором Яном Френкелем, который сел за рояль, он исполнил шуточные куплеты, танцевал.

Стоит отметить, что с тех пор, как из жизни ушел Александр Менакер, Миронов сблизился с матерью еще сильнее. Понимая, как тяжело ей приходится без мужа, который долгие годы был и ее сценическим партнером, сын стал частенько брать мать в свои гастрольные поездки. И публика с неменьшим восторгом стала принимать новый дуэт – матери и сына Мироновых. Однако дальше концертов дело все-таки не шло. Некоторые из друзей предлагали Миронову похлопотать за мать перед Плучеком, чтобы тот взял ее в Театр сатиры. Но Миронова эта мысль страшила. Вот как об этом вспоминает Ольга Аросева:

«Когда Мария Владимировна осталась без мужа и партнера, она, мне кажется, не прочь была бы поработать в нашем театре. Какое-то время спустя я в шутку пожаловалась Андрею на свою дальнейшую жизнь в «Сатире»: «Вот, Андрюша, придет твоя знаменитая мать, ты введешь ее на мою роль Чебоксаровой-старшей, и я снова буду без работы сидеть…» Он ответил очень серьезно: «Ольга Александровна, я сделаю все, чтобы моя мать здесь, в театре, работала, если она этого захочет. Потому что она моя мать. Но самым несчастным человеком после этого стану я. Она мне жизни не даст».

Никто тогда не мог себе представить, что жить Миронову остается всего-то чуть-чуть, причем в его смерти вины матери не будет вовсе. Впрочем, не будем забегать вперед.

Первая любовь: Галя Булавина (Дыховичная)

Первая любовь случилась у Андрея Миронова, когда он учился в школе. А попал он туда 1 сентября 1948 года, причем фамилия у него тогда была по отцу – Менакер. Это была 170-я мужская школа (теперь – 49-я средняя школа) в нескольких минутах ходьбы от его дома на Петровке – она располагалась на Пушкинской улице. В этой же школе в разное время учились Марк Розовский, Людмила Петрушевская, Эдвард Радзинский, Василий Ливанов, Геннадий Гладков, Наталья Защипина (одноклассница Миронова) и другие известные ныне деятели отечественной культуры. О том, каким тогда был Андрей, вспоминает Елена Петрова:

«Мы учились в соседней женской школе на Петровке (от мироновской школы ее отделял забор. – Ф.Р.). Через двор Миронова, проходной, мы с девчонками обычно шли на каток «Динамо». Я помню очень хорошо, как Андрей и еще трое ребят всегда ходили шеренгой посреди улицы, очень гордые, очень заносчивые, всегда ужасно воображали. Тогда мы одевались очень однообразно, серо, и все смотрели на Андрюшу Миронова, сына знаменитых артистов, как он одет! Ему покупали шикарные вещи, иностранные. К тому же он пересыпал свою речь английскими словечками, пел под Армстронга. Американец, одним словом. Рыжий, толстый, всегда с больной воспаленной кожей, он тем не менее производил на нас совершенно неотразимое впечатление. О нем все время сплетничали, им интересовались. Ему симпатизировали…»

Первая любовь пришла к Андрею Миронову в 1955 году в облике его одноклассницы Гали Булавиной (Дыховичной). Вместе молодых людей свела школьная реформа: именно в том году 170-ю мужскую школу объединили с соседней женской школой и в Советском Союзе возродились смешанные классы. С Галей Андрей был знаком и раньше: их родители дружили и соседствовали по дачному поселку писателей на Пахре (Галя – сестра ныне известного кинорежиссера Ивана Дыховичного и дочь того самого поэта и драматурга Владимира Дыховичного, который написал серию песен про маленького «почемучку» Андрюшу Менакера). Андрей и Галя вместе росли, однако любовь к друг другу к ним пришла только в школе.

Вспоминает Л. Маковский: «И вот в седьмом классе к нам присоединились девчонки из соседней расформированной школы. Это было событие! К тому времени из класса как раз поуходила вся шпана – они предпочитали поступать в ПТУ. Оставшиеся же стали менять свое поведение прямо на глазах. Мы подтянулись, перестали употреблять грубоватые словечки, начали более старательно одеваться, хотя возможностей было мало. Мальчики в основном ходили в кителях или гимнастерках, девочки – в коричневых платьях и черных передниках. Андрей первый задал тон. Он обращался к девочкам на «вы», останавливался у двери в класс, пропуская их вперед, а первой красавице школы Галине Булавиной помогал нести портфель. Это производило впечатление. А как он остроумно и легко мог пошутить! Несомненно, Андрей мог рассчитывать на внимание Гали, хотя она была очень красивой, очень гордой… Иссиня-черные волосы, белая кожа, стройная фигура – яркая, восточная красота. И одевалась Галина хорошо: помню, для походов в театр она имела отдельный костюм. Большая редкость по тем временам! Даже к школьному платью Галя могла повязать изящный шарфик – и оно уже смотрелось совсем иначе. Она была из интеллигентной семьи, мама – балерина, отчим – известный драматург Владимир Дыховичный. Он иногда писал номера для Мироновой и Менакера. Так же, как и у Андрея, у Галиных родителей была дача в Красной Пахре. Словом, семьи дружили. Но до некоторых пор Андрей с Галей были просто добрыми приятелями и соседями. А оказавшись в одной школе, по-настоящему друг друга разглядели. Писали друг другу записки, иногда вместе ходили в кино…»

А вот что вспоминает сама Галина: «Андрей был не развязный. Не избалованный. В общем-то, скромный и даже стеснительный. Он долго меня добивался. Наверное, год. В седьмом классе мы как бы приглядывались друг к другу, а дальше… Записки писали, стихи. Нет, не смешные, а про любовь. В конце десятого класса нас уже рассматривали как сложившуюся пару.

Подарки Андрей мне не дарил. Родители нас не баловали деньгами. Совсем другое время было – в кино ходили в складчину и подарки на свой день рождения я, скорее, получала от его родителей, но как будто от Андрея. Его родители, несмотря на то что семья была очень обеспеченной, деньгами не баловали.

Наш первый поцелуй был в школе. Андрей был сильно мной увлечен, хотя другим девчонкам он тоже нравился и они к нему приставали. Но тогда я была уверена, что я у него одна. Андрей не был красавцем. Пухленький, точно такой же, как в своем первом фильме «А если это любовь?».

Первый раз мы откровенно друг другу признались в любви в Пестове, куда поехали навестить его папу Александра Семеновича. Мы плыли на пароходе, потом шли через лес, вокруг была такая красота… Ну и раскрылись друг другу. Красиво было, может быть, вы поймете, как это бывает…»

Тем временем, еще будучи школьником старших классов, Миронов начал готовиться к поступлению в театральное училище Щукина. Готовился так целеустремленно, что даже не остался гулять на выпускном вечере, потому что на следующий день у него был экзамен в «Щуке». Он ушел, а его любимая девушка Галя Дыховичная осталась одна и страшно обиделась на своего кавалера, не поняв такой правильности. «Вот девушку оставил одну», – думала она.

Рассказывает Л. Маковский: «…Мы уже привыкли к тому, что Андрей и Галя – пара и у них «все серьезно». Даже говорили о том, что они поженятся. В те годы ранние браки были не редкостью, потому что близость до свадьбы – этого почти не бывало, на такое ни одна девушка не решилась бы! Только прогулки, поцелуи, робкие ухаживания… А Андрей уже тогда был увлекающимся, пылким. Родители с обеих сторон эту дружбу одобряли, и для свадьбы препятствий не было. Но проблема оказалась в характере Андрея. Во-первых, он уже тогда демонстрировал, что актерская профессия для него на первом месте. Не каждый ученик ушел бы с выпускного вечера, чтобы готовиться к экзамену в театральный. А он ушел сразу после торжественной части. И Галя осталась одна, без кавалера… Но одноклассницы рассказывали, что разошлись они не сразу, а уже когда Андрей был на первом курсе, потому что Андрей приударил за своей однокурсницей в Щукинском училище. У Гали был решительный, строгий характер, она таких вещей не понимала. Потом Андрей пытался помириться. Но она не простила…»

Об этом же и слова Галины: «Мы поссорились потому, что он… загулял, что ли. Теперь я думаю, что, наверное, в училище девчонки были более раскованными, чем я. Более доступные, что ли. У нас же близости не было, хотя доходило почти что до… но я была девушкой, может быть, излишне строгих правил…

Расставаться с Андреем было очень жалко. Но в 18 лет предательство не прощается. Я оказалась свидетелем его проделок и не смогла пережить. Я сказала: «Все. До свидания, наши дороги разошлись». Он делал попытки помириться. Но у меня такой характер занозистый. Я очень переживала. И родители наши тоже переживали…»

Спустя год после расставания с Мироновым Галина вышла замуж за другого и потом с тем мужем прожила всю жизнь. Она работала на «Мосфильме», у нее родилась дочка. А когда у той появился сын, то назвали его… Андреем.

Девушки из «Щуки»

Как ни странно, но после расставания с Галиной постоянной девушки у Миронова так и не появилось. Он пытался ухаживать за некоторыми своими однокурсницами (а с ним учились Виктория Лепко, Ольга Яковлева, Валентина Шарыкина, Ирина Бунина и др.), а также девушками с других курсов, но во что-то серьезное эти связи обычно не выливались.

Вспоминает В. Лепко: «Домой к Андрюше ходили мальчишки, но меня он тоже несколько раз приглашал. Квартира меня поразила обилием фарфора, на стенах, на шкафах – везде тарелки фарфоровые. У нас – а жили мы в том доме, где сейчас находится Театр сатиры, – все стены были голые, только фотографии мамины. Андрюшина квартира хоть и не очень большая, но очень богатая, хорошо обставленная, изобилие диковинных, редких и красивых вещей, даже хотелось бы поменьше, на мой вкус.

Только один раз столкнулась дома с его мамой. Очень странные были отношения. У меня ощущения остались свои, непохожие на те, что наши однокурсники описывают. Может, потому, что я девочка или у нее настроение не заладилось в тот день, когда я к ним пришла, допустим. Может, она готовилась к концерту, не знаю. Она вышла, увидела меня и сказала:

– Да, да, да, здравствуй, деточка.

Она знала моих родителей еще со времен мюзик-холла. Довольно суховатая была женщина, строгая, я ее всегда побаивалась, честно говоря. Вот не знаю почему. От нее всегда каким-то холодом веяло, с первой встречи. Она так и ушла к себе, а Андрюша меня быстренько провел в свою комнату. И тут последовало новое разочарование… Мальчишки рассказывали, что мироновская домработница всегда, когда они приходили, их всех кормила, потому что студенты вечно были голодные. А я помню, мы сидели с Андрюшкой в его комнате, болтали, готовились к экзамену. Он к тому времени мне немножко понравился. Как мужчина, он меня все-таки обаял, и потом его работы не могли оставить равнодушной. Я смотрела на него уже с восхищением, он мне нравился. И домработница сказала:

– Андрюша, иди ужинать!

И он пошел ужинать, а я осталась сидеть одна в комнате.

Я не была голодной, но меня это задело, даже травмировало. Как будто какой-то красивый, очаровательный, много раз слышанный миф – умер. В то время к моей маме весь двор приходил есть какую-нибудь картошку.

При всей моей симпатии к Андрюше я понимала, что он – домашний мальчик, мамин мальчик, это было ясно. Немножко даже подкаблучник. Тогда он казался достаточно избалованным при маме, при папе. Но держали его в большой строгости. Конечно, мама всегда главенствовала в их семье, задавала тон, а Александр Семенович был более мягким, добрым, обаятельным. Вот от него не веяло холодом. Казалось, что, скорее, отец сделал сына, чем мать…»

А вот что вспоминает о тех годах Валентина Шарыкина, которая, оказывается, была тайно влюблена в Миронова:

«Мальчики за мной не ухаживали. Наверное, потому, что была дико застенчивая и одета бедно – у мамы не хватало денег на дорогие наряды, она и так, как могла, мне помогала. Хорошо хоть квартирный вопрос не стоял, мы обменяли сибирское жилье на московское. Бабушкины стоптанные туфли, черная юбка и синяя кофта – гардероб на все случаи жизни. К своему внешнему виду я относилась совершенно спокойно. С детства помнила мамины слова: «Валечка, важно быть добрым человеком, а одежда – дело второстепенное. Хорошо, если у тебя будет возможность нарядно одеваться. Если нет – как-то приспособишься».

Конечно же, я замечала, как одеты другие студентки. Например Ольга Яковлева, будущая муза Анатолия Эфроса.

Андрюша Миронов очень мне нравился, периодически в него даже влюблялась, но никогда не позволяла себе показать чувства. Миронов ни от кого не скрывал своих бесконечных любовных романов, он в этом вопросе был мотыльком: сегодня один цветочек, завтра другой, послезавтра третий, а мне «времянкой» быть не хотелось. К тому же Андрюша очень симпатизировал моей подруге Викушке Лепко, пани Каролине из «Кабачка». В нее невозможно было не влюбиться: изящная, женственная, хрупкая, как фарфоровая куколка.

Мне кажется, Андрюшино чрезмерное увлечение женским полом шло от внутренней неуверенности в себе. Его родители – мои любимые Александр Менакер и Мария Миронова – были состоявшимися артистами, яркими личностями, неудивительно, что он хотел доказать и родным, и всему человечеству, что и сам, без протекции, может многого достичь на сцене. Часто мучился от своей зодиакальной «рыбьей» трусости и нерешительности, не мог без внешней поддержки ощутить себя героем-победителем и находил ее в женской любви. Когда им восторгались, отвечали взаимностью, он вырастал в собственных глазах, освобождался от родительской ауры и начинал верить в себя.

Благодаря Миронову я действительно стала актрисой. Это была незамысловатая история отстающей ученицы и талантливого учителя. Дело в том, что мои стеснительность и зажатость, непобедимые даже на уроках актерского мастерства, почти привели к исключению из института, педагоги лишь условно перевели меня с первого курса на второй. Миронову как старосте группы сказали:

– Подтяни Шарыкину.

– Без проблем.

Мы много репетировали отрывок из «Загадочной натуры» Чехова, и я еще больше влюбилась в Андрюшу, такой он был улыбчивый, радостный. Иногда вспыльчивый, но всегда солнечный, как Олег Попов. Кстати, у клоуна все-таки была некоторая сероглазая жесткость, а у Андрея – только солнечное свечение. Жаль, что человек был ведомый. Под чей каблук попадал, так себя и вел. И все же надо понимать: он, как и я, по знаку зодиака Рыбы – мы на злости не зацикливаемся. Вспоминаю его, и опять улыбка и теплое чувство на душе…

В Театре сатиры оказалась тоже благодаря Андрею. Получив диплом, я подошла к нашему педагогу Александру Сабинину:

– Что посоветуете? Ефремов берет в свой театр.

– Неплохо.

– Но есть еще вариант – Театр сатиры. У Миронова перед показом заболела партнерша, он попросил подыграть ему, и теперь нас зовут обоих.

– Лучше иди к Плучеку. С твоим характером в «Современнике» тебя слопают!

Но и в «Сатире» было все не так просто. Моя мамочка всегда ко всем с улыбкой, и я улыбаюсь, радуюсь, а за моей спиной: «Какая хитрая, со всеми заигрывает, всем «Здравствуйте!» Почему хитрая? Думаю, желать людям здоровья – это хорошо. Тем не менее я быстро получила роли в спектаклях «Проделки Скапена» и «Дон Жуан, или Любовь к геометрии».

Через некоторое время Валентин Плучек начал ставить «Безумный день, или Женитьба Фигаро», главная роль досталась Миронову, а его возлюбленной Сюзанны – мне. Год ее репетировала, но все не складывалось, а потом почувствовала – Андрей меня не принимает. Наконец подошел и честно, без обиняков, сказал: «Пойми, мне нравится работать с актрисами, которых я, как бы это выразиться, изучил досконально».

Я догадывалась, что у него в это время был роман с Таней Егоровой, но промолчала, не стала ничего говорить. А дня через три-четыре Плучек снял меня с роли. Получилось классически: Миронов породил актрису Шарыкину, он же ее и убил. После неудавшейся Сюзанны я тринадцать лет играла в «Фигаро» в массовке. Правда, и у Тани роль не пошла, она замечательна как актриса эпизода, и Плучек это вовремя заметил.

Никого ни в чем не виню. И во времена моей молодости, и сейчас – каждый пробивается как может. Кто-то умело, по расчету выходит замуж, кто-то заводит нужного любовника. В театре важнее всего, чтобы режиссер тебя любил. Вот, например, Анатолий Эфрос просто обожал Олечку Яковлеву и не мыслил без нее ни одного спектакля. И Валентин Плучек, и Танюша Васильева (Ицыкович) – удивительный творческий тандем, вместе они создали много интересных образов. У меня такого счастья не было, все думала: ну баловство это, не по мне, не могу, и так далее. Теперь понимаю: те, многие, жили правильно, это я неправильно жила…»

Еще одна сокурсница Миронова – Ольга Яковлева – вспоминает о нем следующее:

«…В институте надо было сдавать экзамен или зачет по вокалу. Как и в танце, я оказывалась в паре с Андреем Мироновым. Так нас видели: в танце – с ним, французский отрывок – с ним; дипломные спектакли – с ним. (И с Колей Волковым – мой театральный «пожизненный» партнер.)

И вот зачет по вокалу. Мы разучивали какую-то оперетку – что еще мы могли петь. И в этой оперетке мы пели в паре. Но Андрей пел хорошо, он с голосом и слухом. А я, без голоса, могла только подыгрывать, как танцующая партнерша. В экзаменационной комиссии сидела как председатель Мария Хрисанфовна Воловикова (проректор по учебной части), которая меня почему-то любила во всех проявлениях. Как, впрочем, и Борис Евгеньевич Захава.

Уж не знаю, что я вытворяла в оперетке, как «подпевала». Но потом весь курс рассказывал, покатываясь со смеху, что, когда мы появились перед комиссией, и я открыла рот, Мария Хрисанфовна всплеснула руками и громко сказала: «Ой, Олечка поет!» И, видно, она так громко это повторяла, что моего пения, собственно, и не было слышно, слава богу.

С танцем у меня дела обстояли благополучно. Моим постоянным партнером был Андрей Миронов. Впоследствии он замечательно двигался, танцевал в театре, в кино. А в ту пору, когда мы были еще совсем юными, почти детьми, – что он вытворял в танце! Он умудрялся подпевать, хныкать, стонать, сопеть, кряхтеть… все, что можно зарифмовать, проделывал. А когда меня в вальсе надо было подбрасывать вверх, он подбрасывал и иногда не ловил! Я приземлялась на собственные ноги с грохотом, ругалась и говорила: «Все, я с ним больше не буду танцевать!»

На выпускном вечере большая часть мужского населения курса сделала мне предложение руки и сердца, уж не знаю, почему на них это нашло тогда. То, что я уже два года замужем, они в расчет не принимали (супругом Яковлевой в ту пору был знаменитый футболист Игорь Нетто. – Ф.Р.). Я говорила: «Ну как это предложение? Коля, ты с ума сошел? Я ведь замужем!» А они отмахивались – да чего там, мол! А что такого? Что такого-то? Ну была – так не будешь! За меня выйдешь. Причем никто на протяжении жизни не отказался от того, что когда-то на выпускном вечере сделал мне предложение…»

Несостоявшаяся жена: Наталья Фатеева

Родители Андрея понимали, что их сын уже достаточно взрослый человек и нуждается в отдельной жилплощади, куда бы он мог смело водить как своих девушек, так и друзей. Те студенческие гульбища, которые Миронов устраивал в доме в момент отсутствия родителей, последним не могли нравиться: во время них опустошался бар Менакера, билась посуда и происходили другие нехорошие вещи. Поэтому на семейном совете было решено приобрести Андрею отдельную жилплощадь. Это переселение произошло в 1960 году, когда Миронов окончил второй курс. Отныне он стал жить в комнате в коммунальной квартире в Волковом переулке, что поблизости с зоопарком. Это была 18-метровая комнатка, разделенная на две половины – гостиная и спальня – полкой для книг. Кухня была крохотная – всего 5 метров. Однако и этому жилью Андрей был рад: в последнее время он стал тяготиться жизнью с родителями, особенно с матерью, которая пилила его и учила жить. А теперь он был предоставлен самому себе и мог, что называется, «оторваться по полной» – водить туда друзей и девушек. Последних особенно, поскольку в Андрее проснулся изысканный бабник.

Холостяцкая жизнь Миронова длилась несколько лет и могла закончиться летом 1962 года при весьма интересных обстоятельствах. В те дни ему пришло очередное приглашение сниматься в кино. На этот раз предложение исходило от режиссера Генриха Оганесяна, который на киностудии имени Горького готовился к съемкам комедии «Три плюс два» по пьесе Сергея Михалкова «Дикари». Стоит отметить, что в пьесе главными героями были люди в возрасте – им было за сорок. Но Оганесян решил значительно их омолодить, для чего ему и понадобились актеры в возрасте от двадцати пяти до тридцати. И хотя Михалков был категорически против такого поворота, режиссер сумел выиграть спор и в середине лета приступил к поискам подходящих актеров. Пробы проходили на Рижской киностудии, которая взялась помогать студии имени Горького в постановке этого фильма (для рижан это была только 4-я по счету полнометражная лента). Однако на молодой киностудии не оказалось цветной кинопленки, что затянуло подготовительный процесс на две недели. В итоге только к началу августа все утряслось: был сформирован творческий коллектив, выбраны актеры.

Мужская половина выглядела следующим образом. На роль Сундукова был утвержден ленинградский актер Геннадий Нилов (отец нынешнего «мента» Алексея Нилова), у которого это была первая главная роль в кино, на дипломата – Евгений Жариков (вторая главная роль после «Иванова детства», 1962), на Рому Любешкина – Андрей Миронов, который знал Жарикова по совместной работе в картине «А если это любовь?».

На роли девушек пробовались многие известные актрисы и даже манекенщицы, но режиссер остановил свой выбор на двух Натальях: Фатеевой и Кустинской. Обе снимались в кино с конца 50-х и имели за плечами куда больше ролей, чем их коллеги из мужской половины. У Фатеевой были роли в фильмах: «Есть такой парень», «Капитан «Старой черепахи», «Дело «пестрых», «Случай на шахте восемь», «Убить человека», «Битва в пути», у Кустинской: «Хмурое утро», «Сильнее урагана», «Годы девичьи», «Первые испытания», «Увольнение на берег». Правда, против кандидатуры Фатеевой выступал сам автор пьесы, считавший, что она недостаточно спортивна (по сюжету Зоя была циркачка) и перед камерой держится «как пионервожатая» (то есть заторможенно). Но студийное начальство хорошо относилось к Фатеевой и утвердило ее на роль. Вот как она сама вспоминает об этом:

«Прочитав сценарий, тут же поехала в Ригу. Пробы были на побережье. Потом мне позвонил режиссер: «Мы хотим, чтобы вы играли не Зою, а Наташу. Зою бы сыграла Лиля Алешникова (тоже популярная в те годы актриса, ставшая известной после роли Глаши в картине 56-го года «Они были первыми»). Я сказала, что роль актрисы Наташи мне не нравится, лучше я вообще не буду сниматься. И меня утвердили на Зою».

Пробы проходили как на студии, так и на натуре – на Рижском взморье в начале августа 1962-го. Из-за проволочек с цветной пленкой, актерских проб и плохой погоды в Риге подготовительный период был продлен на две недели. Наконец 11 августа съемочная группа выехала в Крым, в Судак. Там, в бухте Парадиз, на территории Завода шампанских вин возле Нового Света была размещена съемочная площадка будущего фильма. Место было просто райское: теплое, чистое море, восхитительная прибрежная полоса. Правда, асфальтовая дорога была ужасная, да и бытовые удобства были минимальные: воду приходилось греть на электроплитках, мыться в тазиках. Жила группа во дворце князя Голицына, прямо над подвалами Завода шампанских вин. Мужчины были в восторге, поскольку литровая кружка шипучего напитка стоила 45 копеек. Чтобы перелить шампанское из бочки, его надо было отсасывать, как бензин. Поэтому актеры соблюдали очередность, чтобы окончательно не спиться.

Съемки начались 16 августа с эпизодов с участием трех дикарей-мужчин. Женщин пока не задействовали, поскольку там был недокомплект – Кустинская все еще снималась в Ленинграде. К тому же задержалось прибытие и двух автомобилей – «Волги» и «Запорожца», игравших в фильме не последнюю роль. 18 августа случился первый простой – оказалась не готова декорация «лагерь». 27–28 августа съемки не велись из-за поднявшегося сильного ветра.

Ближе к концу августа в Новый Свет приехала Кустинская, и съемки пошли в полную силу. Начали снимать знакомство мужчин-дикарей с девушками. Помните, дамы заставили мужчин копать землю в поисках бутылки из-под шампанского (кстати, это была бутылка, накануне распитая группой), где содержалось письмо, в котором указывалось, что место на берегу навечно закреплено за подругами-красавицами. Самые смешные реплики были у героя Миронова. И вообще в мужском трио он был самым забавным (тюрбан на голове и амулет на груди) и обаятельным: Сундуков был мрачен, а дипломат – слишком рафинированый.

У Миронова была роль ветеринара Романа Любешкина, и играл он ее весьма убедительно. Хотя на самом деле к животным относился вполне равнодушно. А в детстве и вовсе их мучил. Помните эпизод, где Роман рассказывает Зое о том, почему он стал ветеринаром. «У меня была собака, я ее любил… а мой друг взял и отрезал ей хвост, – говорит Рома. – А я взял и пришил». На самом деле в детстве Миронов частенько над этими самыми кошками измывался. В их дворе на Петровке их было много, и маленький Андрей, разозленный частыми отъездами родителей на гастроли, вымещал зло на кошках: возил их мордой об асфальт. К счастью, с возрастом эти садистские наклонности у него исчезли. Но вернемся на съемки фильма.

Практически весь август и сентябрь работа шла без простоев (только 27 и 29 августа съемки пришлось отменить из-за облачности). Актеры снимались легко и непринужденно, хотя было трудно: фильм снимался в двух вариантах (для широкого экрана и обычный формат), поэтому одну и ту же сцену приходилось играть дважды. Но все это компенсировалось замечательной обстановкой, сложившейся на съемочной площадке. Кое-кто даже пытался перенести эти отношения в реальную жизнь. Например, Евгений Жариков предпринял попытку ухаживаний за своей киношной половиной – Натальей Кустинской. Но та его «отбрила». Тем более что супруга актера – тренер по фигурному катанию – была поблизости, приехав на пару недель к мужу на побывку. Жена страшно ревновала мужа к Кустинской и в перерывах между съемками устраивала бурные сцены – например, швыряла в «соперницу» бутерброды. Все это отрицательно сказывалось на съемках, и режиссер в конце концов объявил жесткие санкции – жену Жарикова на съемочную площадку больше не пускали.

Совсем иначе вела себя жена Геннадия Нилова Галина, которая приехала к мужу, чтобы провести с ним медовый месяц (они только поженились). Она готовила актерам нехитрую

еду и была, что называется, тише воды, ниже травы. Впрочем, может потому, что ее муж никаких поводов к ревности не давал.

Кстати, в триумвирате Миронов – Нилов – Жариков только последние двое сумели подружиться. А вот с Мироновым у Нилова отношения не сложились. По его же словам: «Мы с Мироновым никогда друзьями не были. Видимо, абсолютно разные люди. Оганесян разрешал актерам буквально все. Мы импровизировали, как хотели. И Андрей, разумеется, тоже все время что-то выдумывал. Но придумки эти тянул на себя. То дернет меня ни с того ни с сего за бороду. То ляпнет что-то не по тексту. Любил втихаря слегка подгадить. Андрей всячески стремился показать себя. Телесная рыхловатость молодого Миронова, которую многие замечали, видимо, связана с болезнью. У него уже тогда кожа была не очень здоровой…»

Однако если с Ниловым отношения у Миронова не сложились, то вот с Натальей Фатеевой наоборот – он в нее влюбился. Но Фатеева была женщиной зрелой и опытной: мало того что на шесть лет старше Миронова, так еще и замужем успела побывать (за режиссером Владимиром Басовым) и имела от него ребенка – сына Вову. И Миронов как мужчина по большому счету был ей мало интересен, поскольку никаких дивидендов, кроме юношеской влюбленности, от него поиметь было нельзя. Поэтому их отношения были сугубо односторонними: Миронов оказывал Фатеевой всяческие знаки внимания, а она их снисходительно принимала. Посторонние это хорошо видели. Так, в эти же дни там отдыхала будущая супруга Миронова Лариса Голубкина, которая много позже будет вспоминать об этом следующим образом:

«Мы отдыхали в Коктебеле, но однажды заехали в Новый Свет, где снимали «Три плюс два». Я видела снимающихся, но тогда не обратила особого внимания на Андрюшу, помню только, он очень забавный был, я бы сказала, развлекал всех невероятно. Так вот как развлечение – это безумно Наташе нравилось. А ответной безумной страсти у нее не было…»

А вот как вспоминает о тех же днях Наталья Фатеева: «Я помню невероятное количество бычков в томате, на которые к концу съемок смотреть не могла. Правда, родители Андрюши Миронова присылали нам балыки, копченые колбасы, которые доставали по блату в Ленинграде. Вот это был праздник! Однажды из Москвы на машине приехали мои друзья. Мы решили съездить в Ялту: так хотелось сходить в ресторан и поесть вкусной пищи! Я надела обтягивающие брючки до колена, в которых снималась. А в это время вышел указ: в ресторан женщинам запрещалось заходить в брюках. И меня не пустили! Пришлось есть шницель с макаронами в кафе на набережной…»

Как утверждают очевидцы, Миронов буквально преследовал Фатееву: чуть ли не ежедневно приезжал к ней домой, следил за ней, подозревая, что она ему с кем-то изменяет, уговаривал выйти за него замуж. Но в планы Фатеевой брак с Мироновым явно не входил. Хотя много позже она так будет вспоминать об этих отношениях:

«С Андреем мы очень подружились. Он был именно хорошим другом, были долгие и теплые отношения, после тяжелого разрыва с Басовым он мою душу очень отогрел. Вот Андрюша, хоть и не имел такого богатства, опыта душевного, – с ним было очень хорошо, он интеллигент настоящий, прекрасный сын своих родителей, я ему за многое благодарна…»

А теперь послушаем рассказ другой участницы тех съемок – Натальи Кустинской:

«Во время съемок меня поселили с Фатеевой в одном номере, а Андрюша Миронов жил на другом этаже. Я параллельно снималась еще в одной картине. Приходилось мотаться из Крыма в Ленинград. И вот возвращаюсь через два дня и прямо-таки обалдела: Андрей переселился в наш номер! Так что напрасно говорят, мол, он долго ее добивался. Ничего подобного, они очень быстро нашли общий язык. Правда, потом все время ссорились, кто будет рассчитываться за номер: ведь часть денег за проживание в гостинице выделяла киностудия, а добавлять приходилось из своего кармана…»

Наступление нового 1963 года Миронов встретил сначала с родителями, а затем уехал к Фатеевой. И снова послушаем ее рассказ:

«Я снималась с настоящим тигром, которого дрессировал Вальтер Запашный. Мне сказали, что тигру шесть месяцев. Смотрю, а это зрелый, довольно большой зверь. У меня – шок. Самое обидное, что вся моя храбрость – как я облокотилась на тигра, как я его гладила и даже приударяла кулаком – не вошла в фильм. Эти кадры забраковали, так как в них попала рука Запашного, который держал тигра за ошейник…»

Съемки в Ленинграде продолжались до 4 февраля, после чего группа вернулась в Ригу, чтобы доснять павильоны. Но Миронов вернулся в Москву, в Театр сатиры. Там готовился к выпуску новый спектакль «Гурий Львович Синичкин», в котором у Андрея первоначально роли не было, который планировалось выпустить в свет в начале февраля. Но из-за неудовлетворительной игры актеров Плучек премьеру перенес на более поздний срок. А пока заменил «Синичкина» на «Дамоклов меч».

И снова слово Н. Кустинской:

«8 марта (1963 года. – Ф.Р.) у Андрюши был день рождения, мы тогда еще продолжали сниматься. Утром Фатеева говорит: «Не подарю ему ничего, пока он меня не поздравит с Женским днем». Андрей принес презент только под вечер – деревянную статуэтку – и пригласил нас в ресторан. А Наташа его так и не поздравила, ей не понравился его подарок.

А бросила Фатеева Андрюшу потому, что безумно влюбилась в киноактера из ГДР Армина Мюллерштраля (советскому зрителю он знаком по главной роли Криса в вестерне «Смертельная ошибка». – Ф.Р.). Он приезжал к ней в Москву, и она жила у него в номере. Я хорошо знаю немецкий язык. Вот Наташа и названивала мне, спрашивала, как сказать по-немецки то одно слово, то другое.

Фатеева говорила мне: «Я очень хочу выйти замуж за Армина. Он популярный в ГДР артист, может, он и мне поможет стать известной на Западе». Но ее планы разрушила Тамара Семина, когда в Берлине проходила Неделя советских фильмов. Фатеева очень хотела туда поехать, но отправили представлять наше кино меня, Семину и режиссера Романа Тихомирова, снявшего фильм «Крепостная актриса». Через Тамару Фатеева передала Армину гостинцы: икру и еще какие-то деликатесы. Семина понравилась Мюллерштралю, и у них случился роман, правда, на одну ночь. Приехав в Москву, я рассказала Наталье о некрасивом поступке ее жениха. После этого случая они расстались…»

Между тем за участие в фильме «Три плюс два» Миронов заработал гонорар в сумме 2252 рубля, что было весьма неплохими деньгами, если учитывать, что за предыдущую работу (за фильм «Мой младший брат») он получил в два раза меньше (за участие в картине «А если это любовь?» ему и вовсе достались копейки). Остальные участники получили на руки следующие суммы: Н. Фатеева – 2295 рублей 60 копеек, Е. Жариков – 2450 руб., Н. Кустинская – 2330 руб., Г. Нилов – 1948 руб.

13 апреля 1963 года на Киностудии имени Горького был принят широкоформатный вариант фильма, 13 мая – обычный. Кстати, на студии фильм был встречен без особого восторга, за что и был удостоен только второй группы по оплате. 3 июля «Три плюс два» вышли на широкий экран. Но для Миронова это событие не стало главным, поскольку в те дни Фатеева сделала окончательный выбор – дала согласие выйти за него замуж. Андрей был на седьмом небе от счастья, чего нельзя было сказать о его матери. Мария Миронова жутко испугалась перспективы, что ее сын возьмет в жены женщину старше себя, да еще с ребенком. И окончательно ее убил эпизод, который случился летом. Миронов привез Фатееву и ее трехлетнего сына Володю на дачу, чтобы представить их родителям. И сына Фатеевой угораздило во все горло спросить: «Мама, это чья дача? Это что, наша будет дача?» Этого Мария Владимировна допустить не могла. И она бросила все свои силы на то, чтобы переубедить сына в его желании жениться на Фатеевой. Трудно сказать, какие именно аргументы

она приводила, но Миронов сдался. С 6 по 26 июля он был вместе с Театром сатиры на гастролях в Горьком (играл в «Проделках Скапена», за что удостоился от Плучека прозвища «наше солнышко») и именно там принял решение порвать с Фатеевой. Как вспоминает его брат Кирилл Ласкари, далось это Миронову тяжело – он буквально рыдал. Речь о свадьбе уже не заходила, хотя дружеские отношения Миронов и Фатеева продолжали поддерживать.

Будущая жена: Лариса Голубкина

Летом 1963 года случился весьма знаменательный эпизод. В составе представительной делегации от Госкино Фатеева отправилась в творческую поездку в Сирию. Волею судьбы одной из ее спутниц была молодая, но уже популярная актриса Лариса Голубкина. Поскольку она впоследствии станет женой героя нашей книги, о ней стоит рассказать более подробно.

Голубкина родилась 9 марта 1940 года в Москве. До революции ее семья была достаточно зажиточной: между Москвой и Рязанью тянулись «сады и огороды Голубкиных». До сих пор, кстати, сохранился Голубкин лес. Но затем все эти богатства стали общенародными, и Лариса воспитывалась в скромных условиях – без излишеств. Ее отец был военным (до войны он работал педагогом), а мама домохозяйкой. Стать актрисой Лариса мечтала с детства. Уже с 2–3 лет она начала петь, и это ее желание все время в доме культивировали: то на стульчик, то на столик дочку поставят, в платьице красивое нарядят: «Лариса, спой!» Причем девочка уже тогда все время ощущала то самое расстояние между зрителями и актером. Говорила: «Выключите свет и отвернитесь – тогда петь буду!»

Впрочем, когда девочка подросла, у ее папы пропало желание видеть свою дочь актрисой – он хотел, чтобы она получила более серьезную профессию. Он так и говорил: «Артист – это же черт знает что! С ним даже рядом нельзя стоять – не то что им быть!» Но дочь своей мечте изменять не хотела. Поэтому в 15-летнем возрасте, втайне от папы, она с мамой отправилась поступать в Московское музыкальное педагогическое училище. И поступила. Отец, конечно, поворчал, но препятствовать учебе дочери не стал. За что она ему до сих пор благодарна.

И все же в глубине души отец надеялся, что дочка перебесится и после школы возьмется за голову – забудет про актерство. Поэтому вел себя он соответствующим образом. Например, однажды, когда Ларисе было 17 лет, она с родителями отдыхала в Сочи, где гастролировал известный Кондрашевский оркестр. Музыканты на пляже играли в карты, и отец Ларисы – азартный преферансист – резался с ними по полдня! Но кричал на оркестрантов: «Не смейте смотреть на мою дочь!»

В то же время там был на гастролях Горьковский драматический театр. И когда однажды к Ларисе с каким-то вопросом обратилась одна из артисток этого театра, отец приказал: «Лариса, отойди от этой женщины! Она актриса!»

Чтобы не злить отца, Лариса в 10-м классе специально ходила в МГУ на лекции биологического факультета по физике и химии – вечерами, после школы, в семь часов. Однако, когда в 1959 году она окончила музыкальное училище, документы подала не в университет, а в… ГИТИС. Причем на отделение музыкальной комедии. Вот как она сама вспоминает об этом:

«…Когда я заканчивала десятый класс и мы шли на школьный бал, ко мне подошла одна дама, которая жила в нашем доме и, говорят, якобы когда-то была актрисой, она спросила: «Ларисочка, куда ты собираешься поступать?» Я сказала, что уже хожу на подготовительные лекции по математике и биологии в университет, на биологический факультет. Я ничего не понимала, но ходила, чтобы замести следы, чтобы папа знал, что я готовлюсь на биофак. Она мне сказала: «Лариса, не надо тебе ни в какой университет, тебе надо пойти только в театральный».

В старших классах я занималась в дирижерско-хоровом училище. Там мы очень много пели, я была солисткой, но в последний момент потеряла голос – неправильно поставили. И вот я пришла в ГИТИС на консультацию по поступлению на музыкальное отделение, а сама шепчу. Мне педагог говорит: «Что же вы пришли на музыкальное отделение? Даже говорить не можете. Когда у вас появится голос, тогда и приходите». В этой интонации я

услышала, что есть надежда. За неделю у меня все прошло, я вновь пришла и спела «Не брани меня, родная». У меня тогда был очень низкий голос. В 14 лет, когда я пела, мне надо было только лицо прикрывать, детское выражение, но пела я абсолютно взрослым женским голосом. Педагог тут же пригласил директора института Матвея Алексеевича Горбунова. Я снова спела, Матвей Алексеевич сказал: «Сдавай документы!» Я ответила: «Не могу сдать документы, потому что у меня документы в университет отданы». И меня взяли на условии, что я сдам лишь общеобразовательные предметы. Из университета документы я, разумеется, забрала, но к биологии у меня до сих пор есть какая-то тяга…»

Как ни странно, но отец не стал препятствовать учебе дочери в театральном. Однако по-прежнему старался ее контролировать. Когда на первом курсе Лариса поехала «на картошку», родители тоже туда приехали – «посмотреть обстановку». Привезли дочери одеяло, подушку – студенты же практически на сене спали. Отец тогда заявил: «Не нравится мне эта компания…»

Между тем после второго курса Голубкина дебютировала в кино – ее заметил сам Эльдар Рязанов, пригласивший ее на главную роль (Шурочка Азарова) в героическую комедию «Гусарская баллада». Кстати, перед этим, в том же 1961-м, Ларисе сам Сергей Бондарчук предлагал пробоваться на роль Наташи Ростовой в «Войне и мире». Но она отказалась. Сказала: «Характер не мой». Она тогда совсем не хотела сниматься в кино: не было у нее такой страсти. Она училась оперному пению у самой Марии Максаковой, а после 1-го курса разочаровалась в профессии и даже хотела уходить из ГИТИСа. Но тут поступило предложение от Рязанова и она решила попробовать – фильм-то был музыкальный. И в итоге именно этот дебют оставил ее в профессии. Правда, не в оперной, а в киношной. По словам актрисы:

«Я всегда мечтала быть певицей. Не знаю, что из этого бы получилось, но тембр и диапазон голоса у меня был очень хороший и большой. Кстати, и мой педагог Марья Петровна Максакова рассчитывала, что я стану оперной певицей. Но фильм «Гусарская баллада» роковым образом вмешался в мою дальнейшую судьбу. Марья Петровна меня убеждала: «Ничего страшного, вот снимешься в кино, станешь известной на всю страну, а потом продолжишь петь». Но, увы, обратного пути было не дано. Впрочем, я только сейчас поняла, почему я не стала серьезной оперной певицей. Причина в том, что я патологически боялась петь именно оперные партии. Боялась сфальшивить, извлечь не такой чистый звук, как хотела бы. Я так хорошо все слышала и так боготворила музыку, что не могла допустить даже малейшего брака…»

На роль Шурочки Азаровой пробовалось более десятка молодых актрис, среди которых были Людмила Гурченко, Светлана Немоляева, Алиса Фрейндлих, Валентина Малявина и др. Фаворитками среди них считались Малявина и Гурченко, причем у последней шансов на утверждение было больше – ведь именно она блестяще дебютировала в первом фильме Рязанова «Карнавальная ночь» (1956). Но режиссер после долгих раздумий взял и утвердил на роль дебютантку – Ларису Голубкину. Когда Гурченко об этом узнала, она, что называется, рвала и метала. И в течение нескольких лет не замечала Голубкину. Потом, правда, оттаяла.

Вспоминает В. Балон: «На фильме «Гусарская баллада» работал практически мужской коллектив. Во время летней и зимней экспедиций мы жили в подмосковном доме отдыха. Лариса, тогда еще студентка, вела себя как свой парень. Смеялась над нашими мужскими хохмами. Когда мы садились играть в преферанс, просила: «Ну научите меня!» Она с азартом ездила на лошади, ни разу не просила помощи дублера. Даже получив травму ноги, по-мужски сказала, что все нормально, и продолжила работу. А между съемками она пела под гитару романсы. Ее любимый – «Не уезжай ты, мой голубчик!»…»

Премьера «Гусарской баллады» состоялась в юбилейные дни (150 лет Отечественной войны 1812 года) – 7 сентября 1962 года. Фильм стал лидером проката (2-е место), собрав 48

миллионов 640 тысяч зрителей. После премьеры Лариса Голубкина проснулась знаменитой. Естественно, появились и поклонники. По ее словам:

«…Мне было 22 года, когда фильм снимали, но я все еще была девицей – настолько старалась доказать отцу, что он не прав по поводу моей распущенности. Да и после выхода фильма, когда у меня появилось много поклонников, я не пустилась во все тяжкие. Тут уже, правда, из-за боязни, что хотят все эти мужчины быть не со мной, а с моей популярностью. Я не форсировала события, а ждала мужчину, которому я могла бы полностью довериться…

Еще за мной ходили странные девушки переходного возраста. И у них был такой всплеск гормонов, что они не знали, в кого влюбиться. И во мне они рассмотрели своего романтического героя. Я же сыграла не то женскую, не то мужскую роль. Вот они и потянулись – угловатые, с грубыми чертами лица, какие-то мужиковатые. Их было очень много, эти девушки преследовали меня везде…

К полученному гонорару родители добавили денег, и я купила дачу. Непонятно зачем: я ее не любила, да и до сих пор все эти огороды не признаю…»

Так что на момент знакомства Голубкиной с Мироновым (лето 1963 года) Лариса была достаточно популярной актрисой, в то время как Андрей звезд с неба не хватал и мало кому был известен. И тут эта поездка в Сирию, где Голубкина встретилась с Фатеевой.

Жить актрис поселили в одном номере. Заводилой в этом дуэте была более старшая и опытная Фатеева. Чуть ли не все ночи напролет она рассказывала коллеге о своих многочисленных романах и увлечениях, а также об интригах, бушевавших в мире советского кинематографа. Голубкина слушала ее, открыв рот. И только повторяла: «А мне и рассказать-то нечего…» – «Как, у тебе и парня своего нет?» – удивлялась Фатеева. «Конечно, нет», – отвечала Голубкина. Она не врала: родители у нее были люди очень строгие (папа – военный) и весьма строго следили за моральным обликом своей дочери.

Л. Голубкина рассказывает: «Мама, как только меня родила, бросила все и водила меня за ручку до 25 лет. Я была мамина дочка. Когда стала актрисой, то атмосферу вокруг меня создавали окружающие. Что ты ощущала, ничего не значило. Ползли слухи. Могли, к примеру, сказать: она пьющая и гулящая. А я никогда не пила и девицей была довольно долго. И чем больше вокруг меня было таких разговоров, тем больше я пряталась в свой дом, как улитка. Не тянулась к людям… Я приводила себя в состояние похлеще монашеского. Ведь родителям надо было доказывать, что ты не гулящая, «как все артисты»…

Говорят, что в меня были влюблены многие мужчины. Боже мой, почему я этого не знала? Я же помню: когда стала артисткой, даже немногие мои поклонники сбежали тут же. Конечно, известная актриса, что, на ней жениться, что ли? Один молодой человек пришел ко мне и заявил: «Я показал твои фотографии бабушке, и она сказала: только ни в коем случае не женись!» Я так расстроилась…

Я была очень инфантильной девушкой. И в профессии, кстати, тоже. Я в первый период не могла с партнером на съемках даже поцеловаться. Дико стеснялась!..

Снявшись в кино, я увлеклась свободной жизнью – поездила по миру и благодарила Бога, что я все вижу, познаю, учусь. Были у меня в тот период какие-то страсти, но быстро уходили в песок. А когда мне мужчины делали предложение, я отказывалась, думая, что брак меня сразу привяжет к дому…»

Узнав, что у Голубкиной даже нет своего молодого человека, Фатеева внезапно загорелась идеей – познакомить ее с Мироновым. «Это – твой. Прямо для тебя создан!» – горячо уверяла она подругу. Но Голубкина только отмахивалась. Она тогда снималась на «Ленфильме» у Иосифа Хейфица в картине «День счастья», где у нее случился роман с Алексеем Баталовым. Правда, ничего путного из этого не получилось, но представить себя рядом с умудренным опытом Баталовым маменькиного сынка Миронова Лариса просто не могла.

Поэтому понимала – ничего хорошего из такого романа не получится. А если так, то зачем начинать?

Между тем 23 декабря 1963 года она пришла на день рождения к Фатеевой, где среди гостей оказался и Миронов. И тот мгновенно увлекся Ларисой. Весь вечер хохмил только для нее, оказывал всевозможные знаки внимания. Потом вызвался проводить ее домой (Голубкина жила в однокомнатной квартире в Собиновском проезде). И Новый год они встретили вместе. Вернее, сначала каждый со своими родителями, а потом – в общей актерской компании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.